

18+

КСАНЫ.

По ту сторону моря

Евгений Авербух

Евгений Авербух

Ксаны. По ту сторону моря

«Издательские решения»

Авербух Е.

Ксаны. По ту сторону моря / Е. Авербух — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515172-8

Главные герои повести — люди будущего, но их мысли и поступки понятны современному читателю: непреходящие вечные ценности — мужество, верность, любовь — одинаково годятся для изображения как настоящего, так и будущего... Сборник рассказов продолжает тему чипизации людей и искусственного интеллекта, создающего угрозу человечеству. Тщательное описание мест, где происходит действие, достоверные психологические характеристики персонажей позволяют читателю поверить в реальность происходящего.

ISBN 978-5-00-515172-8

© Авербух Е.
© Издательские решения

Содержание

Ксаны	6
Аошима	6
Миниатюры	17
Храм Эбису	23
Рыба мечты	31
Предложение Марса	39
Последний Като	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ксаны. По ту сторону моря

Евгений Авербух

Редактор Мурад Каррыев

Иллюстратор Юлия Попова

© Евгений Авербух, 2020

© Юлия Попова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-5172-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ксаны

По ту сторону моря

Аошима

Место для своего отдыха я выбрал на одном из экоостровов, расположенных в японском архипелаге. Для этого у меня имелось несколько причин.

Во-первых, я хотел быть как можно дальше от слишком надоевшей мне голосистемной цивилизации: подальше от поглощенных в собственные иллюзии людей, общающихся друг с другом исключительно через виртуальную связь; подальше от непрекращающихся реклам, кричащих о новом поколении операционной системы «Нандроид»; подальше от погрязшего, словно в болоте, голографического мира – технологического рая, за которым человечество гналось добрую сотню лет.

Во-вторых, я приехал на Аошиму, чтобы расслабиться и морально подготовиться к перелету на колонию, находившуюся на Марсе. Решение о переезде, после небольших колебаний и сомнений, я принял пару месяцев назад. Конечно же, это очень огорчило родителей, а также сильно взволновало моих друзей, но никто, кроме отца и матери, особо не пытался отговорить меня от столь кардинальных изменений, которые я решил предпринять в своей жизни.

В общем-то, мое отрицательное отношение к повальной зависимости нашей цивилизации от голографических технологий ни для кого не являлось большим секретом. Но последней каплей, перевесившей чашу сомнений в пользу переезда на Марс, явилось недавнее решение, принятое организацией земных содружеств (ОРЗЕС), установить новое поколение «Нандроид» не только на действующих операционных системах, но также и на экоостровах, где долгие десятилетия сохранялся статус-кво технологической независимости.

Его создатели обещали, что в новой версии операционной системы будут интегрированы инновационные разработки по эффективному планированию человеческой активности. До выпуска нандроидов оставались считанные недели. Поэтому, пока ОРЗЕС еще не успела превратить свое решение в жизнь, я поспешил воспользоваться моментом, чтобы провести пару недель отдыха перед вылетом на Марс на одном из таких экоостровов, а именно на кошачьем острове, носившем название Аошима.

Почему я в итоге собрался перебраться на Марс? В общем-то не только из-за пресловутого решения ОРЗЕС и не из-за того, что меня туда пригласили. На Марсе я видел свое спасение от голосистем! Важным составляющим моего решения было то, что управление марсианской колонией наотрез отказалось внедрять у себя технологию нандроидов и ОРЗЕС пришлось с этим смириться. К тому же немалое значение имел тот факт, что Марс являлся ведущим научным центром содружества – там проводились различного рода разработки и исследования высокой важности. По этой причине у колонистов не было ни капли свободного времени для того, чтобы понапрасну сжигать его в голосистемах. Конечно же, я не был против технологий как таковых – я был против их непомерно возросшего влияния на нашу жизнь. Всё увеличивающаяся зависимость людей от технологий могла, в конечном итоге, привести к полному подчинению человеческой воли искусственному разуму. Некоторые из нас опасались, что новое поколение операционной системы андроидов всё больше и больше приобретало признаки самостоятельного интеллекта. А это уже была прямая дорожка к потере контроля над ним.

В отличие от Земли и колонии на Луне, Марс пропагандировал независимость человека от технологий. Но была и еще одна более веская причина, по которой Марс отказался внедрять

у себя нандроид, – их сверхсекретные разработки требовали закрытой и защищенной компьютерной сети без внешнего доступа к ней. Каким-то образом разглядев в нандроиде угрозу для секретности своих исследований, управление колонией поспешило поставить на новой операционной системе большой жирный крест. После непродолжительных прений между Марсом и министерством по технологическому развитию, напрямую зависящему от марсианских разработок, последним пришлось сдаться и согласиться с требованием марсиан.

Итак, я прибыл на Аошиму.

Этот маленький остров расположен во внутреннем Японском море на юге Японии. Пятьдесят с лишним лет назад Аошима был официально признан ОРЗЕС как экоостров, и с тех пор установившийся на нем уклад жизни особо не изменялся. В общем-то, жизнь на этом маленьком клочке земли не менялась уже очень давно: количество коренных жителей здесь уже более семидесяти лет не переваливало за несколько десятков семей, основным занятием которых являлось рыболовство. Когда-то, чуть менее двухсот лет назад, население острова достигало девяти сотен, но Вторая мировая война привела к большим изменениям в стране, и молодежь стала уезжать за заработком на большие острова Японии.

Аошима – совсем небольшой остров, длиной около тысячи метров, который расположен в тринадцати километрах от побережья главного острова Сикоку. Поэтому я довольно быстро, за каких-то полчаса, добрался до него на пароме. Вместе с ещё двумя туристами, прибывшими со мной на Аошиму, и одним местным жителем я спустился на небольшой причал, расположенный у берега рыбацкой деревушки. Местный, поклонившись нам в традиционной манере, сразу же бодро зашагал по причалу, направляясь к лепившимся вдоль берега деревянным домикам, имевшим чисто японскую архитектуру, а я и мои коллеги по отдыху остались, чтобы подождать, когда выгрузят наш багаж.

До того, как приехать на Аошиму, я попытался узнать как можно больше о ее истории. Поэтому я знал, что было время, когда паром без перерыва курсировал между берегом префектуры Эхиме и берегом кошачьего острова, привозя толпы любопытных туристов, жаждавших собственными глазами посмотреть на кошачий рай. Эти туристы и прозвали Аошиму Кэт-Айлендом – кошачьим островом, что не очень пришлось по вкусу местным рыбакам. Вначале туризм доставлял местным жителям сплошную головную боль, так как мешал их рыболовным судёнышкам заниматься своим излюбленным делом. Но, начиная с середины двадцатых годов прошлого века, туризм стал приносить острову хоть какие-то доходы. Местные обитатели наловчились продавать фарфоровых кошечек и прочие сувениры прямо на причале. И тогда заядливые рыбаки, не мыслящие свою жизнь без сетей и удочек, примирились с назойливыми туристами, продолжив ловко вылавливать из моря кишасших вокруг них рыб. В то время, о котором я рассказываю, на острове обитало около двух сотен кошек, и они продолжали резво размножаться, пользуясь обилием рыбы, вниманием добродушных жителей, а также щедростью многочисленных туристов, которые подкармливали их рисовыми шариками, картошкой и даже шоколадом.

История кошачьего царства началась еще до Второй мировой войны с того, что рыбакам надоели полчища крыс, постоянно прогрызающих их лодки, и для борьбы с ними они начали завозить на остров кошек. Но около восьмидесяти лет назад, когда количество кошек превысило несколько сот особей и это стало основательно мешать жителям острова, власти префектуры начали проводить активную борьбу по снижению их популяции.

Сегодня это уже не был кошачий рай, хотя пару десятков бездомных кошек всё ещё рыскали вдоль набережной в поисках рыбьих остатков. Всё, что осталось от некогда процветающего кошачьего рая по прозвищу Кэт-Айленд, – это большая, позеленевшая от времени бронзовая статуя кошки, установленная на причале и встречающая одиноких туристов поднятой вверх лапой. Тем не менее свою работу по уничтожению грызунов рыбацких лодок кошки

выполнили и даже перевыполнили – крысы и мыши уже давно напрочь исчезли из жизни обитателей Аошимы.

Пока мы ожидали наш багаж, я заметил, что мои попутчики, видимо, муж и жена, стоящие немного в стороне от меня, о чём-то шепчутся, периодически бросая на меня робкие взгляды. Наконец-то мужчина, сделав пару шагов ко мне, решился заговорить:

– Извините, что до сих пор не представились, – слегка поклонившись, произнес он, – Меня зовут Майк, а это моя жена Лидия, – он протянул мне руку, которую я тут же пожал.

– Очень приятно! – произнесла Лидия звонким голосом.

Я не был большим любителем компаний вообще, а на отдыхе тем более, и планировал провести следующую пару недель на острове в гордом одиночестве. Но эти люди еще на пароме произвели на меня приятное впечатление, и поэтому я не находил особых причин изображать из себя неприступную скалу.

– Рад знакомству, – ответил я как можно мягче своим скрипучим голосом, – Эйрик!

– Вы тот самый Эйрик, который выступил в голосети против нандроида? – спросил Майк.

Надо же, первое слово, которое я услышал на эко острове, было «нандроид»! А я ведь приехал сюда ради того, чтобы развеяться от всего того, что было связано или как-то напоминало о суперсовременных технологиях.

– Да, – без особого энтузиазма ответил я.

– Я хочу сказать, что мы полностью разделяем Ваши опасения, – поспешил успокоить меня Майк, расслышав в моем коротком «Да» недовольную интонацию.

Дело в том, что я был представителем небольшого общественного движения, борющегося за свободу от зависимости и засилья технологий. Нас называли модератами, потому что мы утверждали, что развитие технологий должно подвергаться жесткой регуляции и контролю, иначе говоря, модерированию. К сожалению, нас было очень мало; наш политический голос был слаб и подвергался острой критике мощного лобби внутри ОРЗЕС, активно продвигавшего развитие и внедрение андроидных технологий во всех сферах жизни. Это лобби имело практически полную поддержку среди населения всех содружеств Земли и жителей небольшой колонии на Луне.

Около семидесяти лет назад андроидные операционные системы различных поколений и версий начали вытеснять все остальные технологии. На сегодняшний день поколение андроида «мю», называемое «мандроид», занимало около пятидесяти шести процентов от общего рынка глобальной кибер-физической системы. Ожидалось, что появление следующего поколения «ню», которому, пользуясь стандартизацией в наименованиях, дали название «нандроид», значительно увеличит темпы вытеснения конкурирующих систем. По мнению нашего движения, такие тенденции были довольно опасны. К тому же разработчики нандроида заявили, что новое поколение будет включать в себя различные дополнения, которые любой пользователь сможет абсолютно свободно устанавливать на операционной системе своего биочипа. Биочипы, вживляемые в тыльную часть мозга, позволяли контролировать здоровье носителя, подключаться к виртуальным порталам, соединяться с внешними системами, а также устанавливать связь с другими людьми. Именно поэтому нандроид представлял наибольшую опасность для большинства из нас – на сегодняшний день биочипы были вживлены подавляющему числу людей. Мы считали, что подключение всего и всех к единой системе могло плохо закончиться для свободы человека.

– Говорят, что случайностей не бывает, – добавила подошедшая к нам Лидия. – Мы как раз взяли отпуск на экоостров, чтобы обдумать дальнейшее использование биочипов, – она машинально коснулась правой рукой отключенного голопорта на своем виске. – И тут мы встречаем Вас!

– Это явный намек свыше, – многозначительно произнес Майк.

Дело принимало интересный оборот. Я не особо верил в разного рода провидения и приметы, но такое совпадение было действительно необычным.

– Я не верю в предначертанное свыше, – ответил я, улыбаясь, – но с удовольствием могу помочь вам разобраться с биочипами. Если вы, конечно, не против.

– Что Вы, это будет очень кстати, – Лидия явно была счастлива представившейся ей возможности.

Нашу беседу прервал окрик паромщика, который выгрузил последнюю из наших сумок:

– Дэва одаидзи ни! Саёнара!

– Аригато! – крикнул ему я.

Слегка поклонившись, паромщик махнул нам рукой и скрылся из виду за бортом судна.

– Вы знаете японский? – удивленно спросил Майк, беря свои два чемодана.

Биочип, используя лингофон, мог бы мгновенно перевести слова паромщика, но так как голопорты были отключены, то связь биочипа с внешним миром не работала.

– Нет... – покачал я головой. – Так, подучил несколько разговорных фраз. Он пожелал нам всего хорошего.

Взяв свою поклажу, я и Майк, явно не привыкшие к тяжестим, тяжело дыша и обливаясь потом, заковыляли по причалу к домикам на берегу. Лидия, взяв лёгкую сумочку, пошла за ним.

На экоостровах запрещалось использование технологий, появившихся после 2044-го года. Поэтому еще перед посадкой на паром все наши продвинутые технологии были временно деактивированы. Именно по этой причине голопорты Майка и Лидии также были отключены. А заодно были деактивированы и антигравитоны, позволяющие переносить тяжести без особого усилия. Тем не менее использование биочипа было разрешено: во-первых, процесс его блокировки был не совсем приятен, а во-вторых, без активированных голопортов, служащих биочипу для внешней коммуникации, он лишь следил за функционированием организма.

Поэтому, за отсутствием антигравитонов, Майк и я надрывались от непривычной тяжести в руках, направляясь к разбросанным вдоль берега домикам, построенным в характерном японском стиле. Набережную деревушки украшали небольшие традиционные минки¹ различных типов: здесь были и двухэтажные матии² городского типа, и более простые деревенские ноки³, и совсем уж простенькие рыбацкие строения, называемые гёка. Следует отметить, что, несмотря на рыбацкий уклад жизни местных обитателей, пристань и примыкавшая к ней часть деревни отличались чистотой – на улицах не валялся мусор, все домики были как будто только что покрашены, а в свежем морском воздухе не чувствовалось ни капли запаха разлагающейся рыбы. В общем-то, порядок являлся абсолютно нормальным явлением для японцев, которые были буквально помешаны на чистоте.

Пока мы тащили свой багаж до стоявшей прямо напротив причала двухэтажной матии, где мы должны были встретить управляющего деревней, мы не заметили ни одного человека. Только несколько рыжих котов, греющихся на солнышке возле мостика, лениво поднялись и неуверенно пошли к нам навстречу.

Оглянувшись, я заметил слева от причала пару рыбацких катеров, пришвартованных у берега и тихо поскрипывающих на морской ряби. Видимо, остальные суда были сейчас в море и их хозяева занимались своим промыслом.

Мы подошли к дому управляющего и коснулись панели звонка. Немного подождав, мы подёргали входную дверь и обнаружили, что она закрыта.

– вроде бы прибыли вовремя, – пробурчал Майк.

¹ Минка – традиционный японский дом.

² Матия – тип городского жилого здания в традиционной Японии.

³ Нока – традиционный крестьянский японский дом.

– Все здесь очень занятые люди, – ответил я, ставя свою поклажу возле калитки дома и усаживаясь на нижнюю из двух ступенек, ведущих к двери.

Переглянувшись друг с другом, Майк и Лидия последовали моему примеру.

У меня появилось время более пристально присмотреться к своим попутчикам. Это была совсем еще молодая пара. Майк был высоким и худощавым брюнетом, а его немного вытянутое лицо с большими карими глазами и большим орлиным носом выдавало в нем представителя Восточного Средиземноморья. По его стилю разговора я понял, что он предпочитает тщательно обдумывать свои мысли перед тем, как их высказать. Лидия имела рост немного ниже своего супруга, но была такая же худощавая, как и он. В отличие от ярко выраженного восточного типа своего супруга, длинные и светлые волосы Лидии, ее немного полное лицо и голубые глаза говорили о славянских или скандинавских корнях. Красивой ее можно было назвать с натяжкой, но ее непринужденные манеры говорили о человеке с добрым и открытым сердцем – качества, которые мне очень нравились в людях.

– К сожалению, – добавил я, – многие из нас уже забыли, что это такое – работать от зари до зари; забыли, что такое физический труд. Крайнее удивление у нас вызывают люди, которые заняты чем-то, кроме как самими собой. И нас раздражает, что мы не можем обратиться к ним в любой удобный для нас момент. Эти рыбаки, – я указал правой рукой на берег, – проживающие на Аошимае, отказались от высоких технологий и отстаивали своё право на натуральную, реальную жизнь – жизнь в симбиозе с природой. Они отстаивали своё право на сохранение традиций и образа жизни своих предков. Видимо, – заключил я, – у управляющего какие-то срочные дела и нам остается только ждать и любоваться морем.

Майк и Лидия согласно покивали головами, и между нами установилась тишина, нарушаемая лишь скрипом нескольких старых лодок, оставленных у причала.

Я облокотился о верхнюю ступеньку и стал рассматривать панораму, открывающуюся из дома управляющего. Рыбацкая деревушка располагалась в небольшой бухточке, западная сторона которой была защищена от моря искусственно созданной насыпью. Эта бухта была поделена на два водоема: внутренний, который был поменьше, примыкал к берегу и был закрыт с южной его стороны двумя искусственными насыпями, между которыми имелся проход для катеров во внешний и более широкий водоем бухты. С внешнего водоема катера попадали во внутреннее Японское море, называемое Сето-Найкай; с восточной стороны располагался небольшой природный мыс.

Такое строение бухты служило хорошим прикрытием деревни от морских невзгод. Если на море штормило, то до побережья поселения докатывалась лишь мелкая рябь, которая не представляла никакой опасности для укрывшихся от непогоды жителей деревни и рыбацких катеров, пришвартованных к нескольким небольшим пирсам.

Немного сощурившись от солнца, я рассматривал горизонт за бухтой. Отсюда можно было различить несколько рыбацких катеров, ловящих рыбу на фоне подернутых туманной дымкой гор большого острова Сикоку. Погода стояла прекрасная – в это время года в северной части Сикоку преобладал мягкий средиземноморский климат, и после всех перелётов и волнений, связанных с моим непростым решением, здешняя тишина и приятный солнечный свет успокаивали и умиротворяли. Хотелось поскорей получить от управляющего ключи от своего домика-минки, упасть на кровать и дать волю сну.

– Да, наверное, нам это тяжело понять, – неожиданно произнёс Майк, прервав мои мысли, – всё кажется таким спокойным... как будто смотришь голофильм в замедленном действии.

– В оочень замедленном, – добавила, хохотнув, Лидия.

Я улыбнулся их «неожиданному» открытию чувства свободы и хотел было уже пуститься в поучительную речь о том, что в результате слишком быстрого развития голографических

систем человек потерял некоторую независимость своего мышления и действия, как увидел, что к пристани приближается катер, с которого какой-то пожилой японец машет нам рукой.

– Видимо, это наш управляющий, – произнесла Лидия, хлопнув от радости в ладоши.

Катер аккуратно подплыл к причалу прямо напротив нас, и с него спустился средних лет мужчина.

Это был типичный японец – небольшого роста, но плотно сбитый. Одет он был очень старомодно – темные брюки и свитер, из которого торчал воротник синей рубашки. Поверх свитера был надет серый в мелкую клеточку пиджак. Немного полное и добродушное лицо обрамляла короткая испанская бородка. Но что самое примечательное, в руке он держал выдавший виды кожаный портфель.

Сказав что-то молодому японцу, сидевшему в катере, он развернулся и направился к нам. За ним с катера спустились две молоденькие японки, одетые в белые халаты и что-то несущие в пластиковых пакетах. Так же, как и мужчина, направляющийся к нам, они что-то весело пролепетали парню в лодке и последовали за человеком с портфелем.

Приблизившись, мужчина и две девушки, отдавая дань японской традиции, слегка поклонились нам.

– Ёкосо! – произнес мужчина на японском. – С приездом! – добавил он на чистом английском языке. – Извините за опоздание – срочные дела в Мацуями. Думал, что успею вовремя всё закончить, но небольшие незапланированные задержки помешали приплыть до вашего прибытия.

– Не стоит извинений, – ответил я, вставая со ступенек, – у нас впереди еще очень много времени для того, чтобы ничего не делать.

Мужчина улыбнулся и протянул нам руку.

– Я Токихиро Одзаки, управляющий этим островом, – представился он, – а это мои дочери, – он указал на улыбающихся девушек, – Шинджу и Сэнго.

– Эйрик Кэрролл, – в свою очередь представился я.

Последовав моему примеру, Майк и Лидия встали со ступенек, и Майк представил себя и свою жену:

– Майк и Лидия Томские.

– Ну что ж, – управляющий поднялся по ступенькам, – проходите. Я выдам вам ключи от ваших домиков и познакомлю вас с нашими достопримечательностями.

Мы последовали за Токихиро, а обе его дочери мелкими шажками засеменили за нами, о чём-то перешептываясь и тихо хихикая за нашими спинами.

Токихиро прикоснулся к замку и сдвинул правую створку двери в сторону, позволив нам зайти в помещение. Сняв, по японскому обычаю, обувь в прихожей, мы оставили ее в специальном шкафу для обуви, называемом гэто-бако. Там же Токихиро оставил и свой кожаный портфель. Управляющий, которому было трудно снимать обувь стоя, уселся на ступеньку, возвышавшуюся над татаки, – специальном месте для снятия обуви в традиционном японском доме.

В отличие от своего отца, пыхтевшего над снятием туфель, Шинджу и Сэнго ловко сбросили свои сандалии, не опуская из рук пластиковые мешки.

Пройдя через небольшую, устланную паркетом прихожую, мы попали в залитую солнцем гостиную, устланную татами. Эта гостиная была огорожена от еще одного помещения с помощью фусума – скользящей перегородки, изготовленной из дерева и японской бумаги васи. Эту перегородку украшал незатейливый японский рисунок с изображением каких-то деревьев, напоминавших сосны, на фоне гор. Посреди гостиной, ближе к перегородке, на возвышении стояла большая напольная керамическая ваза белого цвета с композицией из цветов – икебана, а возле окон располагались небольшой столик и кучи подушечек возле него. На противоположной стене располагались встроенные настенные шкафчики и небольшая ниша, называемая

токонома, где на невысокой ступеньке стояли старинная керамическая ваза с цветами и старинный керамический сосуд с ароматическими палочками. Стену ниши украшал живописный свиток прошлого века с осенним пейзажем в черно-белых тонах.

– Как у вас красиво! – воскликнула Лидия, хлопнув в ладоши.

– Спасибо! – ответил Токихиро. – Устраивайтесь, пожалуйста, поудобнее на подушечках, а мои дочери пока что приготовят нам чай.

Девушки поклонились нам, едва не вывалив содержимое своих пакетов на татами, раздвинули фусума и, продолжая тихо хихикать, скрылись за перегородкой, тщательно закрыв её за собой.

Управляющий с нежностью посмотрел вслед своим дочерям и с лёгкой улыбкой отправился к одному из настенных шкафов. Вытащив оттуда три планшета, специально изготовленных под технологии сороковых годов прошлого века и разрешённых для использования на островах, он присел рядом с нами.

– Вы знаете, как ими пользоваться? – спросил он, положив планшеты на столик.

– Кажется, мы видели такие в музее компьютерной истории в Маунтин-Вью, что в Калифорнии, – задумчиво произнес Майк, вытащив один из планшетов из чехла и разглядывая его со всех сторон, – А еще я видел что-то подобное в одном из исторических фильмов, – добавил он.

– В музее у каждого стенда были инструкции по их эксплуатации, – продолжила Лидия, – но мы их не читали.

Ее глаза светились, и она явно была в восторге от увиденной ею копии раритета.

Я вытащил другой планшет из чехла и взял его в руки. Планшет представлял из себя кусок прозрачного пластика прямоугольной формы размером немногим более ладони и толщиной в пару миллиметров. С одной из узких сторон планшета проходила полупрозрачная полоска полтора сантиметра высотой, впаянная внутрь пластика.

Я положил планшет на ладонь и развернул его так, чтобы Майк и Лидия видели, что я делаю.

– Это очень просто, – сказал я и демонстративно дотронулся до белой полоски. В правом верхнем углу загорелась красная лампочка, и тогда я развернул планшет к своему лицу. Невидимая видеочка просканировала сетчатку моих глаз и форму лица. Мои данные не были найдены, и на дисплее планшета появилось трехмерное изображение женщины-бетандроид.

– Хотите зарегистрироваться? – произнес бетандроид.

– Да, – ответил я.

– Для этого требуется разрешение администратора, – учтиво ответила трехмерная женщина.

Майк и Лидия, выпучив глаза, смотрели за моими действиями.

– Разрешаю, – весело ответил Токихиро.

Изображение бетандроиды развернулось к голосу управляющего.

– Спасибо! – ответил бетандроид и вновь повернулся ко мне.

– Теперь Вы можете свободно пользоваться этой системой. Хорошего дня! – произнесла женщина, и её изображение исчезло.

– Вижу, Вы знакомы со старой техникой, – удовлетворенно произнес Токихиро.

– Для меня техника – это инструмент, а не то, во что ее превратили в наше время, – произнёс я.

Управляющий внимательно посмотрел на меня.

– Если бы Ваше мнение разделяла хотя бы десятая часть населения... – произнес Токихиро, безнадежно махнув рукой, как будто отбрасывая что-то бессмысленное.

– Но давайте вернемся к тому, ради чего вы сюда пришли, – добавил он, добродушно улыбаясь.

После того, как Майк и Лидия проделали ту же операцию и завершили регистрацию, Токихиро достал свой личный планшет из внутреннего ящичка в столе и, вставив его в узкий паз на поверхности стола, дал голосовую команду бетандроиду включить карту Аошимы.

Планшет управляющего включился и спроецировал трехмерную карту острова над крышкой стола. Та же карта, только в уменьшенном варианте, появилась и над дисплеями наших планшетов.

– Аошима, – управляющий начал свое разъяснение с описания самого острова, – это небольшой, по большей части незаселенный и заросший густым лесом остров, который растянулся с северо-востока на юго-запад. Его длина составляет приблизительно полтора километра и имеет ширину в пятьсот метров. Площадь острова составляет около ста двадцати акров. Первоначально это был пустынный остров. В середине семнадцатого века несколько рыбацких семей обнаружили, что этот клочок земли является хорошим местом для ловли сардины, и с тех пор на этом острове начали заниматься рыболовством. А уже в середине сороковых годов двадцатого века население острова достигло своего пика и составляло около девятисот человек, но с тех пор, по ряду причин, оно неумолимо уменьшалось и достигло ста человек в начале восьмидесятых годов двадцатого века. В пятнадцатом году прошлого века здесь ютилось всего лишь шестнадцать человек – в основном стариков.

– А что послужило причиной такого увядания? – прервал Майк четко отрепетированную речь управляющего.

– Видите ли, – ответил тот, – молодежь не особо хотела рыбачить и искала работу на больших островах. Вполне естественный процесс для всё увеличивающихся соблазнов и возможностей быстро прогрессирующего мира! – ответил Токихиро и продолжил: – Но затем, благодаря кошкам, – на его лице появилась улыбка, – положение острова стало исправляться, и население вновь начало расти, достигнув пятидесяти двух человек в тридцатых годах прошлого века. Но затем, вновь из-за кошек, которые стали реальной угрозой жителям острова, префектура вмешалась в их бесконтрольное размножение, и вот уже лет семьдесят население нашей деревушки особо не изменяется и на сегодняшний день насчитывает сорок три человека.

Сделав небольшую передышку, Токихиро продолжил:

– На нашем острове расположен храм Циндао, – увеличив проекцию карты на всю поверхность стола, управляющий ткнул пальцем в изображение некоего сооружения, – возле которого располагается некогда функционировавшая начальная школа. Это бывшее учебное заведение, после его закрытия в тысяча девятьсот семьдесят шестом году, стало общественным залом, – он передвинул палец, и на проекции показалось заброшенное здание школы. – Есть еще остатки храма Эбису – богу рыбалки и труда. . . – проекция показала точку на самой крайней восточной оконечности острова, – и синтоистское святилище, которое вы увидите по пути к своим домикам. Ну вот, в общем-то, и всё, – подвел итог своей речи Токихиро.

– А что за история с кошками? – спросила Лидия. – Откуда они здесь взялись в таком количестве?

Вкратце рассказав кошачью историю острова, Токихиро закончил знакомить нас с местными достопримечательностями и выключил свой планшет.

– А теперь о некоторых правилах поведения, – управляющий перешел на официальный тон. – Вы, конечно же, можете свободно передвигаться по всему острову и общаться с любым из здешних жителей – здесь нет абсолютно никаких ограничений. Но вам должно быть хорошо известно, что наш остров является экоостровом и использование на его территории какой-либо техники, выпущенной после декларации о нераспространении техноновшеств на экоостровах, карается законом с внесением нарушения в личное дело. Думаю, что мне нет никакого смысла рассказывать вам о последствиях такого рода нарушений?

Мы дружно закивали головами.

– Если будут какие-либо вопросы ко мне, – продолжил управляющий, – или возникнут какие-либо проблемы, или же вы просто захотите поговорить со мной, то вы всегда сможете связаться со мной или с моими дочками с помощью планшета. Вы должны лишь назвать наше имя, и бетандроид сразу же свяжется с нами: наши контактные номера уже внесены в планшет. Обычно мы все кушаем в общей столовой, но если вы хотите совершать трапезу в своих домах, то предупредите об этом заранее.

Токихиро поднялся с подушечки и подошёл к перегородкам, за которыми скрылись его дочери.

– Осталось выдать вам ключи, – сказал он, – но перед этим... – слегка приоткрыв фусума, он позвал: – Шинджу! Сэнго! Гости ждут чая!

Закрыв створки и улыбаясь, он вернулся к нам и вновь уселся на свою подушечку.

Откуда-то раздалась приглушённая мелодия, и под звуки бамбуковой флейты фуэ по комнате распространился сладостный запах жасминовых листьев.

Фусума раскрылась, и показались две девушки – Шинджу и Сэнго. Только теперь они уже не были облачены с головы до ног в белые одежды, а переоделись в традиционные японские халаты-кимоно светло-серого цвета, подпоясавшись темно-синими поясами оби с большим бантом на спине. Собрав свои длинные черные волосы на макушке, они подвязали их светлого цвета лентой. В руках, вместо пластиковых пакетов, они несли фарфоровые принадлежности для чаепития: чайник, пиалы и чашечку с листьями жасмина. Все эти фарфоровые изделия имели традиционно неровную форму и были разукрашены синими фиалками. Вместе со всем этим они несли поднос со сладостями, а также венчик и подстилку, сделанные из палочек бамбука.

Белые халаты, местами запачканные после поездки, в которых мы увидели обеих сестёр на пристани, а также пластиковые пакеты, которые они держали в своих руках, и немного расчёпаные волосы не позволили мне составить должного представления об этих девушках. Но сейчас их театральный выход вызвал у нас немое восхищение. Заметив наши восторженные взгляды, сестры заулыбались и, опустив от смущения глаза, подошли к нам.

Я продолжил с интересом рассматривать девушек: одна из них была небольшого роста и чертами лица, немного полноватого и добродушного, была похожа на своего отца. В общем-то, её внешность была типичной для многих японок и не являлась особо запоминающейся для нас, европейцев. Обратив свое внимание на вторую сестру, я почувствовал, как мое сердце застучало быстрее: внешне она совсем не походила на своего отца и была на полголовы выше сестры. Высокая и стройная, она отличалась нежными и правильными чертами лица: огромные и, конечно же, черные глаза с длинными ресницами, обрамленные небольшими и аккуратными бровями; небольшой и прямой нос правильной формы; слегка полные и чувственные губы, а также маленький и нежный подбородок. Всё это делало девушку просто неотразимой. И даже небольшой, едва различимый старый шрам с правой стороны подбородка, идущий от его основания к шее, лишь добавлял некую изюминку к ее гармоничному лицу.

Заметив мой пристальный взгляд, она на мгновение подняла на меня свои огромные глаза, но тут же стушевалась и быстро отвела их в сторону. Я поспешил напомнить себе, что невежливо рассматривать незнакомок, тем более под носом у их отца в его же доме. К счастью, никто, кроме самой девушки, не обратил на это никакого внимания.

Поставив чайные принадлежности на стол, девушки присели рядом с нами на свободные подушечки дзабутоны⁴.

– К сожалению, мы не можем провести полную чайную церемонию. – произнёс Тохимирос после того, как его дочери заняли свои места. – Это заняло бы много времени. Но всё же у нас принято встречать гостей, тем более столь редких, нашим старинным традиционным ритуалом.

⁴ Дзабутон – японская плоская подушка для сидения.

Раздав нам самоиспаряющиеся салфетки для дезинфекции рук и предложив нам угощаться богами – сладостями из сладкого риса и пасты из бобов адзуки, Токихиро начал укороченную церемонию распития чая с риторического вопроса:

– Знаете ли вы, что чай в Японию завезли ещё в седьмом веке из Китая?.. О распитии чая в те времена имеются сведения в различных письменных источниках двух последующих веков. Но потребовалось еще пять столетий, чтобы, начиная с двенадцатого века, распитие чая получило свое распространение по всей Японии, и еще три столетия для того, чтобы в пятнадцатом веке монахи начали осваивать технику чайного ритуала. А в следующее столетие эта техника достигла своего совершенства, превратившись в известную нам чайную церемонию.

Токихиро приоткрыл крышку чайничка и высыпал туда немного жасминовых листьев. Слегка помешав содержимое чайничка венчиком, он закрыл крышку, и по комнате распространился еще более насыщенный запах жасмина.

– Таким образом, – продолжил управляющий свой рассказ, – чайная церемония олицетворяет собой изящество и благодать покоя, которые были присущи японским монахам, следующим идее ваби, мировоззрения, провозглашающего стремление к простоте и естественности. Кстати, – улыбнулся Токихиро, – в средневековой Японии чайную церемонию обычно проводили мужчины, но в наше время инициативу в свои руки взяли женщины, – он лукаво посмотрел на своих дочек. – Только вот в наше время эту церемонию теперь мало кто проводит. Разве что в специализированных ресторанах.

«Это логично, – подумал я. – Ведь в наши дни умы большинства людей поглощены голосистемами. Сегодня не надо быть в Риме, чтобы посмотреть Колизей, – можно просто войти в его голографическую репродукцию, задать необходимые координаты, и точная копия античного амфитеатра появится перед вами в полном масштабе в мельчайших подробностях. Зачем выходить из дома, если, сидя в кресле, можно рассмотреть любую царяпину на любом кирпиче любого архитектурного сооружения? Лежа на диване, можно побывать в любом уголке Земли, посетить открытые для широкой публики научные лаборатории Марса, принять участие в играх, соревнованиях, представлениях... Вполне объяснимо, что какие-то там чайные церемонии, проводимые вживую, сейчас мало кого интересуют».

– Это очень прискорбно, – произнес я. – Необходимо как-то ограничить вмешательство всей этой высокоорганизованной технологии в нашу жизнь. Из-за нее мы теряем связь с реальностью и свою индивидуальность.

Токихиро вновь внимательно посмотрел на меня:

– Полностью согласен, – сказал он. – Я хотел бы поговорить с Вами об этом как-нибудь на досуге, но сейчас предлагаю продолжить наслаждаться легким чаем, который мы называем усуча.

– А разве не принято пить всем из одной чаши? – спросил Майк, наблюдавший за выверенными движениями управляющего, расставляющего пиалы в ряд. – Я где-то об этом слышал...

– Если бы мы проводили полную церемонию, – с полной серьезностью ответил Токихиро, – то мы начинали бы чаепитие с особого чая, который готовится в специальной чаше – пиале тяване – из густого порошкового зеленого чая – маття. Именно такой чай принято пить из одной чаши, передавая ее по старшинству и соблюдая полную тишину. А после этой стадии церемонии принято пить легкий чай в отдельной чаше для каждого гостя.

– Это все так необычно, – задумчиво произнесла Лидия, – у меня такое ощущение, что всё происходящее сейчас со мной проходит в каком-то замедленном действии. На душе так непривычно спокойно и тихо...

«Добро пожаловать в рай!» – подумал я.

– Для этого и существуют такие места, как наш остров, – неожиданно вмешалась в разговор одна из сестер – та, что была поменьше ростом.

Вторая сестра легонько стукнула ее по руке и посмотрела на нее с некоторым укором во взгляде.

Это незаметное движение, казалось, ускользнуло от всех, но только не от меня, искоса наблюдающим за понравившейся мне девушкой.

– Здесь заняться нечем только, – произнесла она шепотом, явно смущаясь своих слов и своего несовершенного английского.

– Сэнго! – резко одернул ее отец. – У нас гости, которые приехали к нам отдохнуть, и сейчас не время для таких разговоров!

Сэнго улыбнулась и вежливо кивнула отцу, опустив голову. Но ее плотно сжатые губы явно говорили о том, что она испытывает некий дискомфорт, слушая разговор о спокойствии и тишине. Сэнго вновь бросила на меня взгляд своих больших глаза, а затем повернулась к своей сестре и что-то прошептала ей на ухо. Обе хихикнули.

После этого небольшого инцидента Токихиро попросил Шинджу разлить чай. Вновь размешав венчиком содержимое чайничка, девушка разлила горячий напиток каждому в его пиалу, и мы принялись, дуя на кипятки, пить обжигающий губы божественный напиток древних японских монахов. Пусть церемония и не была проведена по всем правилам, но вкус и аромат горячего и утоляющего жажду напитка от этого никак не пострадал.

Вдыхая аромат жасмина и наслаждаясь незатейливой мелодией фуэ, мы непринужденно слушали рассказ Токихиро об истории Аошимы.

– Мы так и не увидим Вашу жену? – неожиданно спросил Майк, когда управляющий окончил свое повествование.

Лицо Токихиро, до этого весело рассказывающего о кошках, заполонивших Аошиму в прошлом веке, вдруг сразу погрузнело и осунулось. Погрузнели и его дочери, а в особенности Сэнго.

– Она давно не с нами, – грустно ответил он, – умерла при родах Сэнго.

– Извините, – сконфузившись, произнес Майк.

– Это было двадцать с небольшим лет назад, – Токихиро повернулся к окну и засмотрелся на раскинувшееся за ним море. Помолчав некоторое время, он вновь повернулся к нам. – Боль уже притупилась... Вы меня извините, но меня ждут дела и нам пора прощаться.

Видимо, решив, что он явился причиной окончания приема и смены настроения у семейства Одзаки, Майк потупил свой взор. Заметив это, управляющий дружелюбно добавил:

– Майк, не думайте, что это из-за Вас. Мне действительно необходимо решить несколько не терпящих отлагательства дел.

Закончив чаепитие, Токихиро перевел коды ключей от наших домиков со своего планшета на наши. Напомнив об обеде и ужине в общей столовой, управляющий начал кланяться нам на прощание. Поблагодарив его, мы обулись и вышли на улицу, вдохнув полной грудью свежий морской воздух.

Несмотря на то, что путеводитель на планшете показал нам, как добраться до домиков, управляющий счел нужным послать с нами своих дочерей, чтобы они проводили нас до предоставленных нам на ближайшее время жилищ.

Миниатюры

Время близилось к вечеру, и на острове уже ощущалось дуновение освежающего ветерка. На поверхности моря начала появляться небольшая рябь, которая через час другой должна была превратиться в волны средней высоты, доставляющие определенное неудобство небольшим рыбацким катерам.

Хотя особой опасности в этом не было, но мы заметили, как несколько лодок уже заплывают в бухту и медленно, неся в своем трюме пойманный улов, приближаются к пристани. Кошки, возившиеся всё это время у пристани, учуяв добычу, подняли хвосты и, жалобно мяукая, начали группироваться возле причалов. Еще несколько рыжих котов повылезали из каких-то только им известных нор и, ловко лавируя между нашими ногами, присоединились к своим собратьям.

– Надо будет завтра их накормить, – произнесла Шинджу, обращаясь ко всем нам, – а то совсем оголодали бедняжки.

– Вы их подкармливаете? – спросила Лидия, с детским умилением на глазах рассматривающая разношерстную, с преобладанием рыжего цвета, ватагу кошачьих.

– Да, – ответила Шинджу, говорившая, в отличие от своей младшей сестры, на английском практически без акцента, – каждый раз, когда мы возвращаемся с Нагахамы⁵, мы привозим с собой пакетики с кошачьей едой.

– Шинджу может говорить о кошках много и долго, – вмешалась Сэнго, – но вы, наверное, много устали? – спросила она нас.

Я и Майк согласно кивнули в ответ. Взяв свои чемоданы, мы двинулись за девушками, повернувшись налево от своего дома. Пробравшись через небольшую стаю усатых рыжиков, ринувшихся было за ними, девушки пошли впереди нас по узкой заасфальтированной дорожке, идущей между теснившихся друг к другу домиков-минка.

Пройдя метров пятьдесят, мы очутились перед ступеньками, ведущими на возвышенность к небольшому и отреставрированному зданию синтоистского святилища, которое мы раньше видели на карте в доме у управляющего. На первом лестничном пролете возвышались сделанные из белого камня тории священные ворота, ведущие к капищу, по бокам которых находились сделанные из такого же камня фонари.

– Дзиндзя⁶, – указала Сэнго пальцем вверх.

Остановившись и опустив свои чемоданы, мы взглянули на местную достопримечательность.

– А оно еще функционирует? – поинтересовался Майк.

– Вы опоздали лет на сто семьдесят, – пошутила Шинджу.

– Интересно, а что делали в этом джинджу? – спросила Лидия.

Усмехнувшись над неправильно произнесённым словом, Сэнго ответила:

– Туда приходите, чтобы бросить монетку, – она сделала движение, как будто бросила вверх мячик, – кланяться, – она поклонилась в сторону святилища, – и хлопать ладоши! – Сэнго что есть силы хлопнула в ладоши и рассмеялась.

– Странная джинджу... – заулыбалась Лидия. – Интересно, зачем нужен был такой ритуал – с подбрасыванием монет, поклонами и хлопками?

– Сюда приходите, чтобы благодарить богов за хороший улов и просить хороший погода, – ответила Сэнго, – Только они забывают еще просить хороший работа.

⁵ Нагахамма – портовый пригород города Одзу, к которому технически принадлежит остров Аошима.

⁶ Дзиндзя – синтоистское святилище вместе с территорией вокруг.

– Дзиндзя – это синтоистское святилище, – останавливая свою шутливую сестру, серьезно ответила Шинджу. – Синто означает путь богов. Наши предки верили, что у многих вещей есть своя духовная сущность, называемая ками, которая сосуществует вместе с людьми и душами умерших. Поэтому они считали, что надо жить в любви и согласии с природой и с другими людьми, так как именно добро способствует укреплению гармонии в мире.

– В этом, безусловно, что-то есть, – задумчиво произнёс Майк. – Я считаю, что в мире нет случайностей. Может быть, путь богов и их принципы любви и добра помогут нам разобраться в самих себе и в том, куда катится этот мир, светящийся за бортом вашего острова.

– Кто-то искать себя в храме, а кто-то пытаться выбраться из него, – Сэнго явно не нравился этот разговор, и она, взяв сестру под руку, последовала дальше по дорожке.

Вновь подняв свои чемоданы и мысленно проклиная их за тяжесть и за отсутствие колесиков, мы продолжили идти за сестрами. Где-то метров через тридцать домики справа от нас закончились, и перед нами вновь открылся вид на море, огороженное от берега каменной насыпью. Пройдя еще немного, мы оказались возле двух примыкающих друг к другу двухэтажных домиков с небольшими двориками, заросшими подстриженной травой. В каждом дворике была высажена японская магнолия, и вдоль невысокого забора виднелись кусты азалии и гардении. С самих домиков открывался вид на бетонированное ограждение от волн и на море за ним. До воды было метров двадцать, и всё пространство от домика до ограждения заросло травой и какими-то неопознанными мной кустами. В общем-то, именно такое место я и искал: место, где я мог бы спокойно отдохнуть душой и телом; место, где я смог бы стряхнуть с себя пыль современного техномира. Море, солнце, зелень и тишина были мне просто необходимы.

Видимо, Майк и Лидия тоже были в восторге от увиденного. Лидия от радости даже захлопала в ладоши.

– Ну вот мы и пришли, – сказала Шинджу, – добро пожаловать к себе домой.

Из двух домиков мой располагался справа. Сославшись на усталость от переездов и поблагодарив еще раз за радушный прием, я махнул рукой чете Томских на прощание и двинулся ко входу в свой домик-минку.

Уже подойдя к двери, я услышал тихий шелест ткани кимоно за моей спиной. Обернувшись, я увидел серьезное и красивое лицо Сэнго. Томские еще что-то обсуждали с ее старшей сестрой, а она зачем то пошла за мной.

– Я что-то забыл? – в растерянности спросил я у нее.

– Можно я показать мистеру Эйку его новый дом? – неуверенно спросила она, остановившись в нескольких шагах от меня. – Я очень люблю этот дом и всегда показывать его новым гостям, – объяснила она, заметив мой удивленный взгляд.

– Именно этот дом, а не тот? – я показал на смежный домик слева.

– Ага! – кивнула Сэнго.

Я посмотрел на Шинджу и Томских, которые дружно рассматривали морской горизонт. Шинджу обернулась к нам, ища глазами свою младшую сестру. Увидев ее рядом со мной, она крикнула:

– Сэнго, я уже ухожу домой!

– Я только показать мистеру Эйке его дом. Скоро вернусь, – ответила она.

– Только недолго! – Шинджу распрощалась с Томскими и зашагала обратно по узкой дорожке.

Майк и Лидия, тихо рассуждая о чём-то, двинулись к своему новому жилищу.

Я нажал на иконку ключа на планшете, и электронный замок, зажужжав внутри двери, открылся. Пропустив Сэнго вперёд, я зашёл за ней в помещение.

– Эйрик, – поправил я ее, когда мы остались одни.

В мгновение ока Сэнго превратилась из озорной и колючей барышни в милую и приятную девушку. Ее лицо, носившее маску бунтарства с налетом юношеского нигилизма, смягчилось, придав ей еще большую миловидность.

– Что – Эйрика? – переспросила она, улыбаясь.

– Мое имя не Эйка, а Эйрик.

– Имя Эйка⁷ как-то идти тебе больше, – смущенно произнесла она. – Хотя изначально это быть женский имя, но в наше время это не важно уже.

– Эйка Кэррол... – попробовал я на слух, – Ну что ж, мне нравится, – улыбнулся я ей, – зови меня Эйка, если тебе так удобней.

– Я буду звать тебя Эйка Кэори⁸, – засмеялась она.

– Пусть будет Эйка Кэори, что бы это ни означало, – не стал спорить я, поддавшись ее хорошему настроению.

Сняв обувь в небольшой прихожей и оставив там свои чемоданы, я и Сэнго прошли по коридору мимо лестницы с правой стороны коридора и мимо двери, закрывающей какое-то помещение. В конце коридора, прямо напротив входа, было расположено длинное узкое окно до пола, сквозь которое виднелись заросли кустов, а на полу стояла высокая напольная ваза с цветами орхидеи. Дойдя практически до конца коридора, мы зашли через открытые двери в просторный салон, занимавший всю левую часть здания. Увидев интерьер салона, я сразу понял, что внутреннее помещение домика оборудовано не под классический японский стиль, а больше походит на смесь японской сдержанности и европейского чувства комфорта.

Салон был метров шесть в длину и пять в ширину. Его стены покрывали светло-коричневые экосистемные панели с черной рамкой, соединявшиеся друг с другом черного цвета панелью с позолоченным кубическим орнаментом. Слева от входа располагались два больших окна, выходящие на небольшой дворик с видом на море. По краям каждого из них свисали шторы темно-коричневого цвета с горизонтальными линиями золотой окраски. Непосредственно перед окнами находилось небольшое возвышение с деревянным столиком темного цвета на нем и двумя мягкими диванами без спинок по обеим сторонам столика.

У левой стенки салона стоял диван побольше со спинкой и лежавшими на нем подушками. Стена напротив этого дивана была обрамлена панелями черного цвета с прожилками, в центре которой была встроена развлекательная система, сделанная под стандарты конца тридцатых годов прошлого века.

На полу был настил из отполированных досок опять же черного цвета, на которые в центре настелили паркет под цвет бамбука. На всём этом лежал ковёр в том же светло-коричневом тоне, что и экосистемные панели, на котором стоял массивный журнальный столик из дерева.

То тут, то там по салону были расставлены керамические вазочки, некоторые из них с цветами, а на стенах были развешаны различные миниатюры, выдержанные в тон всего интерьера дома.

Убранство всего салона было просто идеальным, комфортным и очень эффективным. Даже ящички этажерки, примостившейся слева от окон, были столь искусно расставлены, что их практически не было заметно.

Потолок украшали две огромные биолампы, а возле дивана стоял торшер.

– Ух ты! Красиво! – только и смог выговорить я.

– Да, красиво очень! – Сэнго явно была очень довольна моей положительной реакцией и восхищенным выражением лица, отражавшим восторг от увиденного.

– Это – салон, а лестница, что мы видеть сразу при входе, вести Вас на второй этаж со спальней и ванной комнатой. А за ней сразу вход в кухню. Хочешь я тебе показать?

⁷ Эйка – японское женское имя, переводимое как «песня любви».

⁸ Кэори – с японского переводится как «аромат».

Вспомнив, что Сэнго обещала своей сестре скоро вернуться, я решил ее не задерживать.
– Спасибо! – ответил я. – Но я не хочу тебя задерживать.

Сэнго кивнула в ответ и, пройдясь вдоль салона, остановилась у окна. Одернув штору, она устремила свой взор за окно, явно не горя особым желанием побыстрее вернуться домой.

Я же, в свою очередь, стал разглядывать миниатюры, висевшие вдоль стен. На некоторых из них были изображены безмятежные и успокаивающие портреты женщин в темно-коричневых и черных тонах, выраженных в классическом японском стиле прошлых веков. На нескольких картинах автор изобразил спящих кошек всё в тех же темных тонах и в тех же умиротворяющих и расслабленных позах. Было件нятно, что все миниатюры были тщательно подобраны и принадлежат кисти одного и того же художника.

– Это Икенага Ясунари⁹, – Сэнго присела на диван у окна, – моя прабабушка очень любит его работы! Она говорит мне, что эти картины вызывать у неё мечтательный ностальгия.

– Да, – согласился я, – такое впечатление, что девушки, изображенные на картинах, словно бы пришли к нам из глубины веков и теперь непринуждённо взирают на нас с высоты своего прошлого. Все они выглядят такими спокойными, нежными, красивыми... – тут я замаялся, – и чем-то похожи на тебя!

Произнеся последнюю фразу, я заволновался, подумав, что сказал что-то лишнее. Но, видимо, мой комплемент пришелся Сэнго по вкусу, так как она кротко улыбнулась и пригласила меня сесть на диванчик напротив нее.

– Здесь жила твоя прабабушка? – спросил я, разгадав секрет ее любви именно к этому домику.

– Ага! – Сэнго обвела салон долгим взглядом, словно бы пытаясь еще раз ощутить давно забытые чувства.

– Прабабушка, – продолжила она, – бабушка моего отца по материнской линии. Она родилась в Мацуяма, но в начале двадцатых годов прошлого века, когда ей исполнилось десять лет, они переехали сюда на Аошиму и купить эти две минки. В те дни здесь, благодаря кошкам и туристам, была хорошая зарплатка. Только вот через пять лет префектура истребила почти всех кошек и Аошима опять опустеть. Но семья прабабушки уже не хотели возвращаться. Они отремонтировать эти два дома – этот они жить, а второй сдавать в аренду.

– И ты жила вместе с ними?

– Отец часто приводит меня сюда, и я очень люблю свою прабабушку. Ее звали Кумико, и за тринадцать лет, которые я успела с ней провести, она многому меня научила. Она умереть семь лет назад.

– Сожалею... – сказал я. – А что же прадедушка и другие бабушки и дедушки?

– Прадедушка умер молодым – утонуть во время шторма, когда ловить рыбу. А родители отца всё время работали, и я редко их видеть, но они всегда помогали и помогают нам, как могут. Сейчас они уехать отдыхать в Токио. А вот родители матери – они живут в Мацуяма – после смерти мамы поссориться с отцом и со всеми нами... – я заметил, как глаза Сэнго наполнились влагой, а еле заметный шрам на подбородке приобрел алый оттенок. – Отец с ними не общаться давно, а мы с Шинджу иногда их навещать. Отец мамы большой человек в префектуре и иногда, из-за этого, отцу тяжело.

Увидев мой сочувствующий вид, она встряхнула головой и весело заявила:

– Но что-то я тебя загрузить, Эйка Кэори! А ты зачем приехать сюда? – неожиданно спросила она.

⁹ Икенага Ясунари – японский художник (р. 1965-й), продолжает древнюю японскую традицию живописи под названием Nihonga, одновременно добавляя в нее элементы из современной жизни.

Вспомнив слова Сэнго, произнесенные ею за чайным столом и возле храма, выражавшие ее обеспокоенность бесперспективностью проживания на острове, я тяжело вздохнул, мысленно готовясь к тому, что мое мировоззрение будет ей непонятно.

– Хотел отдохнуть пару недель перед своим вылетом на Марс, – коротко ответил я.

Упоминание о Марсе вдруг показалось мне таким странным и неуместным в этом тихом месте – словно пришедшим из фантастических рассказов, где люди из будущего возвращаются в прошлое и поражают всё человечество непонятной для них технологией.

– Так далеко?! – удивилась Сэнго. – Но почему именно на Марс? И почему надо отдыхать здесь – в таком месте, о котором все боги уже давно забыть?

– Это длинная история... – у меня не было желания пускаться в разъяснение всей моей истории, но большие глаза Сэнго, внимательно смотревшие на меня, словно сами собой развязали мой язык.

– Понимаешь, Сэнго, – заговорил я, – тебе это может показаться странным, но я устал бороться с технологиями, бешеный темп развития которых всё больше поглощает человеческий разум.

Посмотрев на нее, я увидел всё тот же внимательный взгляд двух глаз – взгляд двух темных озер – и продолжил:

– Я немногим старше тебя, но вот уже около восьми лет я состою в общественном движении, которое борется против повального засилья голографических технологий. А до этого я всегда был странным ребенком, который не хотел играть в голографические игры и вставлять в свой мозг биочип. Когда мне исполнилось семнадцать и я стал совершеннолетним, я начал активно работать в общественном движении, борющемся за умеренное развитие голосистем и за контроль над андроидными технологиями.

– Ты модерат?! – воскликнула Сэнго, прервав меня.

Я кивнул головой в знак согласия:

– Да, так нас называют.

– Я слышать о вас, но думать, что вы заниматься какой-то чепуха, – от волнения она стала еще больше путать слова.

– Сэнго, – взмолился я, – пожалуйста! Я приехал сюда отдохнуть от всех этих споров.

– Извини, Эйка! – улыбнулась она, успокаиваясь.

Встав с диванчика и вновь подойдя к окну, она немного помолчала и уже спокойным тоном продолжила:

– Я выросла на этом острове и любить его. Может быть, по моим прежним словам ты подумать другое, но это не так. Я еще молодая, но не как Шинджу, которая любить покой и простоту, – я любить действовать, я любить жизнь и общение, я любить все те технологические новшества, что ты не любить. Что человек без технологий? Этот как самурай без своего меча и саке!

Она задернула штору и обернулась ко мне, взирая на меня своими дивными глазами.

– Я любить Аошиму, любить свою семью и этот дом, но, как говорила моя прабабушка Кумико, повторяя нашу народную древнюю мудрость: «Никто не спотыкается, лежа в постели».

– Сэнго, – ответил я, – я вовсе не против технологий, а против их чрезмерно быстрого развития. Человек не успевает следить за всеми изменениями, к которым они приводят, а тут еще хотят выпустить на мировой рынок системы, которые включают в себя планирование человеческой активности. Представляешь, аппараты начнут принимать решения за нас! Этого ли хотела Кумико?

Сэнго непонимающе пожала плечами.

– Представь, что компьютерные системы начнут решать за нас, что и когда нам кушать, что и когда нам можно говорить, когда и куда нам можно ехать... О ЧЁМ НАМ МОЖНО ДУМАТЬ!

– Я думать, вы, модераты, слишком преувеличивать! – ответила она, вновь садясь на диванчик.

– Я так не думаю. Посмотри на эти картины, которые так любила твоя бабушка, – я перенес свой взор на стену салона, где висели миниатюры, – Почему она их любила? – спросил я у нее.

Сэнго подошла к одной из миниатюр и долго всматривалась в столь знакомое ей изображение женщины, как будто бы видя его в первый раз. Я тихонько подошел к Сэнго и остановился позади неё, чтобы посмотреть, что же ее так зачаровало.

На картине была изображена молодая девушка, – вернее, ее лицо и руки, – лежащая на одеяле, разукрашенном цветами: красивые кисти и пальцы рук расслаблены и покоятся перед полусонным и нежным лицом с правильными чертами лица; слегка полуоткрытый рот и полужакрытые глаза, собирающиеся вот-вот утонуть в мире грез... – вся зарисовка создавала атмосферу умиротворения от повседневных забот и проблем.

Неожиданно я поймал себя на том, что рассматриваю спину и затылок Сэнго, любуясь их тонкими и стройными контурами. Только я успел об этом подумать, как Сэнго резко обернулась, поймав мой не совсем уместный взгляд на ее фигуру.

Мне стало неловко, и я отвел глаза, чувствуя, что краснею, но Сэнго еще какое-то мгновение продолжала всматриваться в мое лицо.

– Наверное, мне пора, – пролепетала она, явно смущенная моим взглядом, и двинулась к выходу.

Я проводил ее до двери. Обувшись, Сэнго вышла во двор, вновь превратившись из милой девушки в озорную и колючую барышню.

– Спасибо за экскурсию по дому! – поблагодарил я ее.

Она склонилась в легком поклоне:

– Приходи к моему отцу, – сказала Сэнго, – я думаю, что ты ему очень понравился.

«А тебе?» – подумал я.

Сэнго развернулась и отправилась обратно домой.

Я уже повернулся, чтобы вернуться в дом, когда услышал, как она зовет меня:

– Эйка! Кумико очень любить эти картины, потому что их подарить ей мой прадедушка, который утонул.

Храм Эбису

Следующий день я решил посвятить своему знакомству с островом.

Встав рано утром и позавтракав яичницей со свежими булочками, заказанными мной заранее и обнаруженными в плетеной корзинке у входа, я переоделся в брюки для прогулки и в рубашку с длинными рукавами – на острове произрастало много зелени и высокой травы, о которую можно было легко поцарапаться.

Сложив в рюкзак пару бутербродов с сыром и бутылку с водой, я обулся, нацепил кепку и вышел на улицу. Освежающий запах моря окончательно взбудрил меня. Слышался успокаивающий плеск волн и шелест листьев магнолии, росшей во дворе.

Над морской поверхностью всё еще расстилалась утренняя дымка, не успевшая развеяться от летнего муссона, дующего со стороны океана на остров. За дымкой, вдали, плавали горы Сикоку. А на фоне всего этого чарующего пейзажа восходило Солнце, пробиваясь сквозь утренний туман и разливаясь по всей морской глади.

Где-то издалека, со стороны моря, раздавался едва слышимый свист пестролицых буревестников. Видимо, они кружили в поисках пропитания вокруг успевших выйти в море рыболовцев лодок.

На половине Томских стояла полнейшая тишина – наверное, они еще спали, так как я не заметил никакого света или движения за окном.

Вчера вечером, незадолго до того, как отправиться на боковую, я наметил маршрут предстоящего похода и предложил Майку и Лидии присоединиться ко мне. Майк после долгих раздумий выразил желание принять участие в прогулке, но когда Лидия извинилась, что устала от переездов и не сможет встать рано утром, с явным сожалением отказался от моего предложения.

Сегодня я решил навестить остатки храма Эбису, который находился на восточной половине Аошимы, а также осмотреть ту часть острова. Судя по карте, расстояние от моего домика до намеченной цели путешествия равнялось примерно тремстам метрам.

Выйдя на заасфальтированную дорожку, которая должна была привести меня к храму, я осмотрелся. За домом начиналась небольшая возвышенность, склон которой представлял из себя дикую смесь кустов и травы, над которыми возвышались высокие заросли деревьев. Я различил среди них зубчатый дуб и японский бук. Повернувшись на восток, я увидел, что вся эта зеленая стена кустов и деревьев тянется вдоль всей левой стороны дорожки на протяжении ста метров, после чего ее путь прерывается невысоким утесом, тоже полностью утопающим в зелени.

С правой стороны дорожки, в двадцати метрах от нее, плескалось утреннее море, огражденное от берега бетонированной преградой. Дорога шла наискосок к этому заграждению и уже у самого утеса практически касалась его.

Осмотревшись и вспомнив, что по карте надо всегда держаться этой дорожки, я двинулся по ней в сторону утеса.

В общем-то, целью моей прогулки был не только осмотр местной флоры и останков храма, но и острое желание насладиться предоставленным мне одиночеством, чтобы стряхнуть с себя накопившееся волнение.

Дойдя до утеса, я обнаружил ведущие на возвышенность ступеньки. Прежде чем подняться по ним, я воспользовался образовавшейся природной смотровой площадкой, чтобы полюбоваться зачаровывающим воображение ландшафтом. Сама площадка была огорожена с северной стороны холмом, с восточной – утесом, а с южной – бетонированным ограждением, облокотившись о которое, я залюбовался открывшейся панорамой.

На западной стороне острова просматривалось всё поселение рыбацкого острова со всеми их домишками-минками. Основная часть построек лепилась вдоль берега, но были и такие, что располагались на утопавшей в зелени возвышенности. Сам же остров, кроме береговой линии, представлял из себя вздымавшуюся из моря гору вулканического происхождения, достигавшую высоты примерно двадцати – тридцати метров.

С того места, где я остановился, хорошо просматривался сооруженный мол, предохраняющий поселение Аошимы от волн и создающий искусственную бухту для лодок рыбаков. А дальше, на запад от мола, можно было рассмотреть еще метров сто – двести остальной части острова.

Поверхность моря представляла из себя серебристую гладь, и теплый муссон, успевший преобразоваться в легкий бриз, приятно ласкал кожу. Я вспомнил о вчерашнем разговоре с родителями... Вчера, распрощавшись с Сэнго, я осмотрел кухню и спальную комнату на втором этаже. Оставшись полностью довольным увиденным, я поднял свои вещи наверх и разложил их в рабочей комнате, расположенной рядом со спальней. Закончив с этим, я переоделся в домашнее трико и спустился в салон, чтобы связаться с родителями и сообщить им о своём благополучном прибытии на остров.

У каждого планшета на экоостровах имелся разрешенный адаптер для связи с голосистой системой вне острова, позволяющий соединиться с внешним миром. Поскольку я хорошо разбирался в различных системах, то без особых затруднений смог объяснить бетандроиду, где отыскать необходимую аппликацию для связи и набрать на нем контактный номер отца.

– Выполняю! – ответила голограмма бетандроиды.

Через несколько секунд на дисплее планшета появилось трехмерное изображение удивленного отца. Узнав меня, он по привычке сощурил свои голубые глаза. Никогда не умевший улыбаться, он выдавил из себя некое подобие ухмылки.

– Привет! – махнул я рукой в видеокамеру.

– Привет, сынок! Ну, как там на твоей Аосиме или как ее там называют? – прохрипел его колючий голос в динамике.

Умное, слегка удлиненное, аскетическое лицо моего отца с массивным носом и огромным, начинавшим лысеть, лбом даже в миниатюрной голограмме источало интеллектуальное напряжение. Будучи ребенком, я побаивался его голубых глаз, пристально смотрящих на тебя и как будто бы постоянно оценивающих твое поведение.

– Аошима, папа, а-о-Ш-и-м-а! У меня всё замечательно, я без особых задержек приехал сюда, на Аошиму, и меня поселили в доме с очень оригинальным внутренним интерьером.

– Очень хорошо! – произнес отец.

Как всегда немногословный, он явно обдумывал, о чём бы еще спросить. Дело в том, что я расстался с родителями, немного повздорив с ними на почве своего решения о переезде на Марс, и всех нас эта ситуация слегка смущала.

– Да, – продолжил я после небольшой паузы, – здесь очень красиво: море, зелень, солнце... и люди, как мне кажется, очень приветливые.

– На Марсе у тебя не будет ни моря, ни зелени... Да и солнце не будет таким теплым, как на твоей Аошиме.

– Но ты же знаешь, что я переезжаю туда вовсе не ради загара.

Отец кивнул головой в знак согласия и, повернув голову, крикнул:

– Оделия! Это Эйрик! Мама опять решила сама приготовить завтрак, – прошептал он заговорщицки в камеру.

– Иду! – услышал я голос матери, и через пару секунд голограмма ее добродушного и улыбающегося лица появилась рядом с изображением отца.

При виде двух так сильно любимых мною родителей, таких далёких и таких близких, у меня защемило сердце, и я в очередной раз на какую-то долю мгновения засомневался в правильности своего решения.

– Ну как ты там, сыночек? – мягкий голос матери всегда убаюкивал меня.

Я вкратце рассказал родителям о своем путешествии на Аошиму и сказал еще раз о своем желании отдохнуть здесь около двух недель от всех передрыг.

– Нам будет очень не хватать тебя, – я заметил влагу на глазах у мамы.

– Так! – скомандовал отец, не терпящий слез и телячьих нежностей. – Мы же решили, что Эйрик у нас уже давно является самостоятельным молодым человеком и вправе сам строить свою судьбу.

Смахнув слезы, мама улыбнулась.

– Не переживайте за меня, – сочувственно произнес я, – во-первых, я не улетаю в соседнюю галактику, а во-вторых, сегодня и связь, и рейсы с Марсом хорошо налажены. Так что мы всегда сможем поговорить или навестить друг друга без особых проблем.

Отец в сомнениях покачал головой:

– Когда введут новое поколение нандроида, то даже не знаю, как марсиане будут с нами контактировать. Политики из ОРЗЕС очень озабочены решением Марса.

– Ну, – ответил я, – если орзесовцы до сих пор мирились со старой версией мандроида на Марсе, то и на этот раз найдут решение.

– Должны, – согласился отец. – Научные лаборатории Марса имеют для всех нас огромное значение.

Поговорив еще немного о незначительных мелочах, мы договорились о том, что я буду держать с родителями ежедневную связь. На этом наш разговор был закончен.

Всматриваясь в даль моря, я обдумывал вчерашнюю беседу с родителями. Видимо, после нашего серьёзного разговора, в котором я объявил им о намерении оставить свою нынешнюю карьеру журналиста и перебраться на Марс в качестве консультанта, мать и отец всё обсудили и решили, что они не имеют права вмешиваться в мои решения и предоставляют мне полную свободу действия. Это не могло не радовать – несмотря на то, что мне исполнилось двадцать пять лет, родители всё еще чувствовали за собой некую долю ответственности за мои поступки. Таким образом, подытожил я, вчерашняя беседа окончательно разорвала пуповину моей зависимости от влияния родителей. Я официально вступил во взрослую жизнь.

Поздравив самого себя со столь важным событием, я наконец-то оторвал взгляд от моря и повернулся в сторону полустертых ступенек, которые вели вверх на возвышенность, в обход заграждающему путь утесу. Поднявшись по ним, я очутился на небольшой прогалине, возвышавшейся метров на десять над уровнем моря. Сразу рядом с тем местом, где заканчивались ступеньки, находился огороженный энергетическим полем купол небольшого ретранслятора – отсюда осуществлялась связь острова с внешним миром.

Осмотревшись, я заметил, что на протяжении пятидесяти метров, начиная от ступенек, дорога вела вдоль правого края прогалины, огороженного от обрыва в море редким кустарником. Затем похожее расстояние нужно было пройти сквозь сплошные заросли кустов и деревьев, чтобы попасть на искусственный перешеек, соединяющий Аошиму с его маленьким братом-островком, на котором и располагалась конечная цель моей прогулки – развалины храма Эбису.

Пройдя первые пятьдесят метров, я остановился, чтобы вновь полюбоваться открывшимся мне пейзажем. Я находился как бы на смотровой площадке, и передо мной прекрасно просматривались утопающие в солнечном свете море Ийо и горы Сикоку. Утренняя дымка уже рассеялась, и день обещал быть солнечным и теплым. В это время года, в начале лета, начинали периодически выпадать дожди, и море иногда штормило, но сегодня явно был не один

из таких дней. Вдалеке я заметил два рыбацких катера – две точки, мирно покачивающихся на робких волнах внутреннего Японского моря.

«Как хорошо, – я вновь погрузился в размышления, – что еще сохранились такие места, где человек может прикоснуться к природе своими руками, а не гладить виртуальную траву в голографических мирах. Где еще можно так спокойно, ни о чём не думая и никуда не спеша, раствориться в шуме волн, в аромате чистого воздуха, в звуках птиц и в треске насекомых?.. Вся эта гонка технологий за последние семьдесят лет значительно удалила человека от природы. Теперь у каждого из нас есть свои персональные голосистемы. Уже в пятилетнем возрасте большинство родителей вживляют своим детям голопорты и в буквальном смысле слова отрезают свое чадо от чудес внешнего мира. Почему никто не понимает, что таким вот образом мы подчиняем себя холодному искусственному интеллекту, становимся его рабом? Неужели никто не видит в этом большой опасности для всего человечества?»

Эти вопросы я не раз задавал и себе, и моим оппонентам в своих публикациях и в видеовыступлениях в голосетях. К сожалению, подавляющее большинство реакций на мои выступления и на выступления моих коллег против возрастающей зависимости от технологий выражались в насмешках и глумлении над теми принципами, которые выдвинуло общественное движение, борющееся за умеренное развитие голосистем и нандроидных технологий.

Страхнув с себя волну накативших на меня мыслей, от которых я хотел, хотя бы на время отдыха на Аошимае, избавиться, я двинулся дальше по тропинке и попал в сплошные заросли. Слева и справа плескалось море, а я словно бы утонул в сплошной зелени, окружавшей меня со всех сторон. Хорошо, что я надел длинные брюки и высокую обувь, иначе высохшие ветки и сорная трава основательно поцарапали бы меня.

Пробравшись сквозь густые заросли, я выбрался на восточную оконечность острова, вернее, спустился по тропинке на искусственный перешеек, ведущий на маленький островок. Сам перешеек имел ширину метров в двадцать и был абсолютно пуст от какой-либо растительности. Возвышаясь над морем, он являлся искусственной преградой от волн.

Подойдя к правому краю, я залюбовался прозрачностью воды, сквозь которую отчетливо просматривалось морское дно. До поверхности воды было метра два-три, и здесь можно было присесть на бетон, чтобы полюбоваться морем и погреться в лучах утреннего солнца. Но я поспешил к левому краю перешейка, чтобы впервые увидеть то, что находилось за северной стороной Аошимы.

Повернувшись к левому краю, я различил далеко на горизонте три высокие горы: слева и рядом друг с другом располагались две из них, а еще одна находилась справа – на небольшом расстоянии от двух первых. Посмотрев на карту на планшете, я предположил, что с левой стороны, скорее всего, я вижу очертания островов Оминасе и Коминасе, а с правой – остров Йюри. За ними едва различимо виднелся южный берег большого острова Ясиро.

Осмотрев северную акваторию Аошимы, я развернулся, чтобы продолжить свой путь, когда заметил остатки какого-то заброшенного захоронения. Подойдя поближе, я различил две усыпальницы, заросшие травой, и вертикальную мраморную стелу, на которой четырьмя столбцами были выбиты полустертые японские иероглифы. К сожалению, иероглифы были настолько повреждены временем, что мой переводчик на планшете не смог перевести смысл написанного.

Пробыв на ногах уже около часа и немного подустав, я присел у подножия захоронения, чтобы отдохнуть и расслабиться, отдавшись звукам окружающей меня природы. Отпив немного воды, я попытался ни о чём не думать, но мысли потекли сами собой.

Мне вспомнилась моя последняя встреча с друзьями. За пару дней до отъезда на Аошиму я позвал нескольких своих самых лучших друзей, чтобы попрощаться с ними перед отъездом на экоостров и дальнейшим отбытием на Марс.

Как всегда, после застолья и шуток мы с особым рвением ринулись обсуждать мое решение, явившееся причиной нашей встречи.

Среди собравшихся друзей одна лишь Ванесса, которая была моей коллегой по движению модератов, поддерживала мое решение, хотя и считала его чрезмерно поспешным. Остальные – Николай, Ли, Рона и Михаэль, друзья, с которыми я познакомился на разных этапах своей жизни, – категорически отрицали принципы умеренного развития технологий и вообще не воспринимали ту, как они ее называли, «чепуху», которую я и Ванесса пытались отстоять.

– Извини, Эйрик, но это смахивает на бегство! – Ванесса вплотную придвинула свое немного круглое и миловидное лицо мулатки к моему. Ее ярко накрашенные в красный цвет губы и строгие светло-коричневого цвета глаза, в которых мелькали легкие огоньки озорства, говорили, что она если и злится на меня, то злится не всерьез.

Я с недоумением посмотрел на нее и щелкнул пальцем перед ее немного крупным носом.

Она хохотнула и отодвинулась от меня, обзревая своим строгим взглядом хищника остальную компанию. Все, кроме меня и Николая, немного побаивались взрывного характера Ванессы. После ее заявления в комнате повисла непродолжительная пауза, прерванная Николаем, обладавшим независимым характером с большой силой воли.

Тряхнув бритой головой, он вытянул свое острое лицо в мою сторону и стукнул мощной ладонью по столу.

– Эйрик! – прогремел он. – Послушай Нес и не валяй дурака. Какой, к черту, Марс?

– Вы только посмотрите на Его Высокомодераторство! – из-за груды пластиковых тарелок и стаканов показались раскосые глаза Ли – весельчака всей нашей компании, раскачивающегося на стуле с антигравитами. Через секунду, не добавив ни слова, он вновь исчез из поля зрения за грудой пластика.

– Нельзя так много пить! – произнесла Рона, поглаживая свою гриву волос и поглядывая на Ли. – Эйрик, – продолжила она тихим голосом, – видимо, мы тебя не переубедим – ты ведь давно пытаешься продвинуть идеи модератов, но я согласна с Ванесс: зачем же улетать на Марс? Не лучше ли отстаивать свои взгляды здесь, на Земле?

Ее утонченное лицо с пухлыми губами, хрупкая, но женственная фигура и тщательно подобранная одежда волновали многих парней. Она была полной противоположностью энергичной Ванессы и всегда выражала свои мысли, в отличие от нее, спокойно и обдуманно.

– Посмотрите на него! – я указал рукой на Михаэля, который в этот момент ходил взад-вперед по комнате, меряя ее ширину своими длинными ногами. Его двухметровый рост был полной противоположностью его хрупкого телосложения, отчего он был похож на цаплю. А длинный нос с крупным подбородком, высокие скулы, редкие черные волосы и глаза навывкате еще больше придавали ему сходство с этой причудливой птицей.

Голопорты Михаэля мигали. Это говорило о том, что он находится внутри голосистемы. Все повернулись к Михаэлю. Послышались смешки, но мой друг, вышагивающий по комнате, явно ничего не слышал и не замечал.

– Вы видите перед собой классический случай нового социума, отрешенного от всех и всего и полностью поглощенного разумом виртуального мира.

Произнесенная мной фраза вызвала новый прилив восторга у Ли, который вновь воспарил над тарелками.

– Какой же он социум? Разве не видите? Это же цапля, которая ищет лягушек в голо-сети, – пошутил он.

– Точно, цапля! – рассмеялась Ванесса, подбрав свои голые коленки под себя. Трехмерные драконы, вытатуированные на ее обнаженных бедрах бронзового оттенка, взмахнули крыльями в такт ее движению.

– Послушайте, – остановил я начавшийся было шквал шуток, – я мог бы остаться на Земле и помогать своему движению бороться со всё возрастающим влиянием технологий,

но недавние политические изменения показывают, что такая борьба тщетна и абсолютно бессмысленна. Во-первых, нас, модераторов, слишком мало, а во-вторых, ОРЗЕС, решив установить новое поколение андроида «ню» на экоостровах, окончательно дала понять, что наша точка зрения не имеет для них никакого значения. Короче говоря, всё обдумав, я решил перенести свою деятельность на Марс, где управление колонией приняло решение не внедрять нандроид в свои системы. И вообще, – подытожил я, – как вы знаете, Марс также категорически против использования нынешних андроидных голосистем поколения «мю».

– Но что в этом плохого? – спросила Рона.

– Мю или ню... Я тоже не пойму, что плохого в технологическом развитии? – добавил Николай.

– Посмотрите еще раз на Михаэля, – я вновь указал на него, – несмотря на то, что он пришел попрощаться со мной, его здесь, по сути, как бы нет. Уже час, как он меряет мою комнату своими длинными ногами. А что будет, когда нандроид, внедренный в ваш биочип, начнёт определять и регулировать всю нашу деятельность?

– Ерунда какая-то! – повысил голос Николай. – Ты серьезно не понимаешь, что нандроид поможет более эффективно планировать и распределять нашу активность?

– Тогда завтра он будет думать за тебя! – Ванесса грозно уставилась на Николая, готовясь к жесткому спору.

– Ерунда! – рявкнул он в ответ, вновь стукнув ладонью по столу.

Мы все уже было ринулись успокаивать готовых наброситься друг на друга спорщиков, когда чья-то громадная тень нависла над нами.

– Ванесса и Николай опять дебоширят? – произнес Михаэль с высоты своего роста.

Подойдя к ним, он успокаивающе положил свои длинные руки на их плечи.

Воспоминания унесли меня к друзьям. Я был очень привязан к ним, и мне, конечно же, было тяжело с ними расставаться. Видимо, небольшая усталость и теплые солнечные лучи настолько разморили меня, что я незаметно задремал. В какой-то момент мои мысли стали путаться, и мне вдруг показалось, что драконы на красивых и натренированных ногах Ванессы перелетели на мои плечи и стали нашептывать мне на ухо, чтобы я погладил нежную и бронзовую кожу своей соблазнительной коллеги. Я уже было поддался соблазну, но тут Ванесса обернулась ко мне, и я с удивлением обнаружил, что это вовсе не хозяйка драконов, а моя вчерашняя гостья Сэнго...

И тут сквозь липкий туман грез я услышал чей-то окрик, раздававшийся издалека.

Придя в себя и развеяв остатки дремы, я вскочил на ноги и обернулся. С левой стороны перешейка, недалеко от берега, покачивалась рыбацкая лодка, с которой, стоя во весь рост, на меня смотрели двое рыбаков: средних лет мужчина и мальчик.

Заметив, что я поднялся, старший из них снял свою широкополую соломенную шляпу и начал махать мне рукой, что-то крича на японском.

Его голос был плохо слышен с берега, и транслятор не смог перевести слова рыбака. Я развел руками и крикнул им на английском, что ничего не слышу и не владею японским.

Мальчик что-то сказал мужчине, и тот подогнал лодку поближе, насколько это было возможно.

– Доброе утро! – произнес мужчина на чистом английском, и оба рыбака отвесили мне поклон.

– Доброе! – ответил я им в ответ.

– Я с сыном случайно заметили Вас здесь и решили, что Вам стало плохо, – он говорил быстро и с легким задором, что выдавало в нем веселого человека. Его круглое, гладко выбритое лицо с веселыми маленькими глазами светилось жизнерадостностью. – Поэтому я стал кричать Вам, чтобы убедиться, что с Вами всё в порядке. Так ведь, Риота?

Мальчик, выпучив на меня свои пристальные черные глаза, молчаливо кивнул отцу в знак согласия.

– Я просто задремал, – ответил я, – не стоит беспокоиться.

– Так я на всякий случай. Понимаете, до Вас одной девушке, недавно гостившей на этом острове, стало очень плохо именно вот в этом самом месте, где Вы задремали. Вы окрестности осматриваете?

– Да, решил посмотреть остатки храма Эбису, – ответил я. – Так вы здесь живёте?

– И здесь и там, – улыбнулся он, махнув в сторону Сикоку. – Но в основном здесь, так как мы с сыном очень любим ловить рыбу и очень не любим, когда полулюди с чипами в голове не дают прохода в городе.

– А что, Ваш сын тоже не любит проводить время в голосистемах?

Риота, внимательно слушавший наш разговор, вопросительно посмотрел на отца. Увидев одобрение в глазах старшего, он ответил:

– Я люблю море и свежий воздух. А еще я люблю поймать настоящую рыбу и подержать ее в руках.

Я внимательно пригляделся к сыну рыбака. Несмотря на то, что с виду ему можно было дать лет двенадцать, в нем уже можно было разглядеть зачатки крупного и сильного мужчины. Плотнo сбитый, немного ниже отца, он производил впечатление внимательного и вдумчивого молодого человека.

– Я не сомневаюсь, что это очень приятно – чувствовать в своих руках настоящую живую рыбу, – произнес я.

Услышав мои слова, отец мальчика буквально засиял от радости. Видимо, ему не часто приходилось слышать от незнакомца, прибывшего из мира, напичканного технологиями, слова понимания и уважения к их интересам и увлечению. Это было вполне естественно, ведь большинство людей предпочитало виртуальные впечатления живым и реальным ощущениям.

Словно в подтверждении этого рыбак неуверенным движением пригладил свои начинающие сесть волосы и спросил:

– А может быть, Вы хотите половить рыбу с нами? Я уверен, что это приключение Вам очень понравится.

Легкость, с которой этот человек нашел со мной общий язык, буквально-таки обескураживала. Его манеры были очень привлекательными, а предложение столь соблазнительным, что я уже начал было склоняться положительно ответить на приглашение, когда вспомнил о своем намерении осмотреть останки храма.

Видя мое замешательство, мой собеседник надел свою соломенную шляпу.

– Если это мешает Вашим планам, то мы можем и завтра порыбачить вместе. Как Вам такой вариант?

– С большим удовольствием! – ответил я. – Это отличный вариант!

– Вот и хорошо! Я рад знакомству с Вами. Меня Кайоши зовут, – представился рыбак.

– Эйрик!

Обговорив время и место встречи, Кайоши и Риота помахали мне на прощание и уплыли ловить рыбу.

Распрощавшись со своими новыми знакомыми, я прошел еще немного вдоль пирса и добрал до того места, где некогда располагался храм Эбису. Прямо за захоронением, возле которого я присел отдохнуть, находилась небольшая возвышенность, густо заросшая труднопроходимой растительностью из деревьев и кустарника, – здесь начинался маленький остров, младший брат Аошимы. С правой стороны пирса я заметил ступеньки, ведущие к хорошо сохранившимся каменным воротам ториям, которые должны были вести к святилищу. К сожалению, поднявшись по ступенькам к воротам, я не нашёл никакого храма за ними. Все, что

я мог заметить сквозь гущу веток, – это разбросанные камни некогда функционировавшего храма.

На правом столбе ворот я заметил два хорошо сохранившихся иероглифа. Остальные иероглифы, как на правом, так и на левом столбе, были практически полностью стертыми и неразборчивыми. Включив транслятор, я просканировал два распознаваемых знака, и программа перевела мне эти символы как «Тысячи лет я служу удаче...»

«М-да... – подумал я, – видимо, в какой-то миг провидение явно отвернулось от этого места, и Эбису, этот весёлый бог удачи и труда, покинул свой храм, оставив времени и природе разрушать свою обитель камень за камнем».

Постояв еще немного около торий, я всё же решился пробраться, насколько это было возможно, сквозь чащу веток и осмотреть разбросанные груды камней, некогда составлявших храм. Начав продвижение, я сразу подумал о символичности ситуации, в которую попал. Дело в том, что в синтоистском святилище тории символизируют границу между двумя мирами – земным и сакральным. Раздвигая ветки, я как бы покинул одну реальность, где плескалось море и светило солнце, и попал в другую – сакральную реальность, где божественные сущности ками, воплотившись в деревья и кустарник, с остервенением пытались поцарапать мне кожу, словно сопротивляясь проникновению в их мир земной сущности.

Через полчаса тяжелой борьбы с зарослями, получив пару царапин и обливаясь потом, я наткнулся на заросший мхом обломок лестницы, от которой сохранились три ступеньки. Очистив их от накопившейся грязи, чтобы присесть, я заметил, что на каждой ступеньке была выбита какая-то надпись. Как это было ни странно, но иероглифы хорошо сохранились. Включив транслятор, я прочитал перевод. На первой ступеньке было написано: «##### #» (Встреча – начало расставания), на второй – «#####» (Всё, что цветет, неизбежно увянет), а на третьей – «#####» (Гадатель не знает своей судьбы).

«Интересно, что бы это означало», – подумал я, присев на нижнюю из ступенек.

Несомненно, надписи были сделаны намного позже, чем иероглифы на ториях, иначе время сделало бы с ними то же самое, что и с надписями на воротах.

Я еще раз подивился тонкой японской мудрости и тому, как хорошо эти три афоризма описывали и мою нынешнюю ситуацию. Казалось бы, я только что приехал на Аошиму, а она уже успела мне понравиться своим покоем и нетронутой природой, и сейчас это радужное настроение всё больше и больше расцветает в моей душе. К сожалению, через две недели я буду вынужден покинуть это место, чтобы начать новый путь – путь, ведущий меня в новый дом на далёкой планете. Что меня ожидает там?

– Гадатель не знает своей судьбы, – повторил я вслух прочитанную фразу.

Рыба мечты

Остаток прошедшего дня я провел в компании Майка и его жены. Они пригласили меня на ужин, и мы вместе довольно неплохо провели время, ближе познакомившись друг с другом.

Лидия болтала без умолку, а Майк, в типичной для него манере, периодически раздражался короткими и хорошо обдумантыми предложениями. Я ожидал, что они затронут волнующую их тему дальнейшего использования своих биочипов, но разговор всё время крутился вокруг каких-то общих тем. Таким образом, выяснилось, что они вместе занимаются сбором и анализом данных в области медицинских услуг.

– Это очень важно! – щебетала Лидия. – Наши выводы помогут медикам затрачивать намного меньше времени на различные проверки и всевозможные обследования.

– А также, – с большим воодушевлением добавил Майк, – позволят врачам более эффективно следить за любыми изменениями в состоянии здоровья своих пациентов и предлагать им соответствующие методы лечения. В дальнейшем, если это станет возможным, они будут автоматически передавать на биочипы своих подопечных необходимые директивы, корректирующие их состояние.

Слушая их, я подумал о том, что в недалеком будущем андроидные системы будут собирать, анализировать, исследовать и лечить людей, полностью заменив медицинский персонал из врачей и медиков. Конечно же, это было совсем неплохо, но в таком существенном прогрессе я, как модерат, видел две основные проблемы: первая – мы будем полностью зависеть от машин, и вторая – отдав всё на волю техники, мы можем полностью потерять контроль над получением новых знаний. Всё это, в конечном итоге, с высокой долей вероятности приведет к вырождению нашего вида.

От Лидии я узнал, что с Майком они познакомились пару лет назад, когда только начинали учиться на инфо-аналитиков. Им нужно было делать совместную работу, и когда они увидели голограммы друг друга, то сразу же почувствовали обоюдную симпатию и влечение. И действительно, наблюдая за ними, я всё больше убеждался, что эта пара буквально светится от счастья. Немногословный и вдумчивый Майк и многословная и импульсивная Лидия являлись совершенным дополнением друг для друга.

В наше время, когда институту брака практически пришел конец, это было большой редкостью. Сегодня большинство молодых людей не обременяли себя трудностями совместного проживания. Они составляли различные договоры и обязательства по ведению общего хозяйства и по воспитанию детей. Сам брак превратился в чисто механический процесс, который, если разобраться, был необходим всего лишь для продолжения своего рода. В наше время любовь была редкостью или, если можно так сказать, даже роскошью, как и любое живое общение людей друг с другом. Такой способ сосуществования не составлял особого труда, так как множество функций по домохозяйству были полностью автоматизированы, включая воспитание детей, последние поколения которых росли практически без родительского внимания.

В русле такой беседы прошел весь вечер. Сославшись на усталость и на то, что завтра мне опять необходимо рано вставать, я ретировался в свой домик. Приняв душ, я лег в постель и тут же провалился в глубокий сон.

На следующий день я вновь встал рано. Сегодня меня ждала встреча с моими новыми знакомыми, с которыми я встретился вчера на пирсе. В предвкушении хорошего дня, отличной компании и массы впечатлений я быстро оделся в просторные одежды, залез в непромокаемые сапоги и положив в рюкзак бутылку с водой и пару сэндвичей на обед, вышел из своего дома, чтобы отправиться на совместную рыбалку с Кайоши и его сыном Риотой.

Приблизившись к дому управляющего, двери которого были закрыты, я увидел подплывающую к пристани лодку Кайоши. Увидев меня, он снял свою соломенную шляпу и пома-

хал мне. Его сын управлял штурвалом и смотрел на меня пристальным взглядом своих черных глаз. Мускулы его крепких рук были напряжены, и всё выдавало в нем сосредоточенность и осторожность. Я еще раз подивился этому юноше – всё в нем говорило о независимом характере и силе воли.

В отличие от своего сына, Кайоши был сама весёлость и непринуждённость. Когда его шхуна остановилась у пристани, я смог рассмотреть ее более подробно. Не имея абсолютно никакого понятия о морском транспорте, я мог лишь составить для себя общее впечатление об этом средстве передвижения.

Лодка представляла из себя рыболовный катер небольших размеров. Такие катера были распространены в обиходе в двадцатых годах прошлого столетия: метра два с небольшим в ширину и метров семь в длину. Вся лодка была выкрашена в белый цвет, кроме бортиков, имеющих голубую окраску. Открытый мостик, находившийся в передней части лодки, немного возвышался над палубой и занимал примерно четвертую часть от всей ее длины. Всё остальное место, вплоть до кормы, было свободно. Вдоль бортов лежали различные предметы: скрученные брезенты, несколько пластиковых ведер, какие-то небольшие контейнеры и различные удочки, как обычные, так и для спиннинга. У кормы разместилась пара стульев со спинками, привинченными к полу, между которыми было небольшое возвышение, служившее, видимо, столом, так как я заметил там различные склянки с неизвестным содержимым. С кормы свисала зеленого цвета сеть.

– Доброе утро, Эйрик! – крикнул мне хозяин лодки.

Улыбнувшись Кайоши и махнув рукой Риоте, я протянул руку хозяину катера и поднялся на борт шхуны. Недолго думая, Кайоши подал сигнал своему сыну, тот потянул на себя какой-то рычаг, и катер послушно тронулся с места, плавно удаляясь от причала и держа направление на юго-восток, двигаясь в сторону выхода из бухты в открытое море.

– Ямаха две тысячи восемнадцать! – Кайоши похлопал ладонью по борту своего катера. – Я называю ее «Юме но сакана» – «Рыба мечты».

– Эта старушка хорошо сохранилась! – похвалил я, приняв названный номер за год выпуска катера.

– Нет, – рассмеялся Кайоши, – это же реконструкция оригинала с некоторыми изменениями, а не сам подлинник.

Я понимающе кивнул головой, досадуя на свою недогадливость.

– Оригиналы таких лодок давно уже сгнили или были разобраны на запчасти многие десятки лет назад, – объяснил он, поглаживая белый пластик борта.

– Эта лодка, – продолжил свое объяснение Кайоши, – в отличие от оригинала, работает на биотопливе и оснащена андроидным навигатором конца тридцатых годов прошлого столетия. Правда, мы им не особо пользуемся, так как Риота обожает крутить штурвал собственными руками. Вдобавок к этим новшествам мы немного изменили и мостик управления – сделали его открытым, а не закупоренным в стеклянную коробку, как это любили делать прежде. Но, кроме этого, – Кайоши развел руками, – всё воспроизведено в точности, как было в оригинале! Скорость этой посудины может достигать пятидесяти миль в час; она очень легка в управлении и довольно надежна в плавании. Так что можно спокойно наслаждаться морем и рыбалкой, не беспокоясь о каких-либо опасностях, – подытожил он, расплывшись в довольной улыбке.

– Да, всё это очень интересно! – согласился я, осматривая открывающуюся передо мной панораму. Мы уже начали выплывать из бухты, и Риота взял курс на восток.

На нашем пути стали попадаться разбросанные в нескольких десятках метров от нас рыболовные лодки жителей Аошимы. Они уже давно вышли в море, и теперь их кораблики спокойно покачивались на волнах, предоставляя своим «пассажирам» возможность заниматься

своей работой. Кто-то сидел у борта, склонившись над удочкой, а кто-то теребил заброшенные в море сети, поплавки которых то там, то сям покачивались на поверхности воды.

– Думаю, что сегодня будет хороший улов! – произнес Кайоши, приглашая меня занять место на стульях.

– Вы часто приплываете сюда на рыбалку? – спросил я, когда мы устроились на стульях.

– Один-два раза в неделю, иногда реже, – ответил Кайоши. – Бывает, мы рыбачим в этом районе, а бывает, что плывем подальше на северо-запад или на юго-запад.

– А где сегодня вы планируете ловить рыбу?

– Сегодня будем рыбачить недалеко от того места, где мы встретились вчера. Когда Риота обогнет остров с востока, он возьмет курс на северо-запад. Там мы и займемся рыбной ловлей.

Откинувшись на спинку кресла, я погрузился в созерцание окружающей меня природы. Мой собеседник, заметив мое эйфорическое состояние, умолк, тактично предоставляя мне возможность наслаждаться красотами местного ландшафта.

Вплоть до моего прибытия на Аошиму мне ещё ни разу в жизни не приходилось быть наедине с морем. А тем более находиться в такой ситуации, когда твое тело целиком и полностью предоставлено всем морским ветрам, открыто заливающему морскую гладь солнцу и плавающим горам на горизонте.

Риота специально вел лодку медленно, чтобы мы могли вдоволь налюбоваться морским пейзажем. Я привстал и подошел к борту лодки. Наклонившись, я посмотрел вниз – в морские пучины.

– Глубина здесь варьируется от двадцати до шестидесяти метров, – Кайоши встал рядом со мной.

– Мне кажется, это не так уж и глубоко. Или я ошибаюсь? – поинтересовался я.

– Совсем неглубоко! – рассмеялся Кайоши, – Это как лужа посреди озера. Вообще же внутреннее Японское море довольно мелководно.

– Вы, наверное, знаток моря? – спросил я, удивляясь столь широким познаниям своего собеседника.

Кайоши слегка улыбнулся и пожал плечами.

– Просто, Эйрик, я свободный человек и очень люблю природу, но знатоком моря себя не считаю. Это всего лишь хобби, – произнес он после некоторой паузы. – Видите ли, по призыванию души я писатель. Пишу разные детективные рассказы в том стиле, в котором их писали в начале прошлого века. Вся беда в том, что сегодня мало кто читает книги, – всем подавай голофильмы, голоигры... и прочую ненужную ерунду, напрочь забивающую голову.

– А Вы не пробовали писать сценарии для голографических фильмов или игр? – спросил я.

– Нет, Эйрик, – лицо Кайоши приняло печальное выражение, – душе не прикажешь. Меня всегда тянуло писать именно литературу и именно детективы. Луиза Пенни, Курт Ауст, Чарльз Камминг – если Вам что-то говорят эти имена, – а также многие другие мастера детективного жанра... Я всегда мечтал подражать им и стараюсь как могу, даже если сегодня это мало кого интересует.

– Да, – поддержал я прочувствованные слова Кайоши, – в наше время мы следуем вымышленным и искусственным ценностям. Куда уж нам до высокой литературы! Я уверен, что в очень скором будущем большинство из подрастающего поколения не будет способно проникнуть в самую суть написанных предложений. В конечном итоге виртуальные технологии вытеснят последние остатки креативного мышления и способности к развитию воображения.

Сощуриив свои и без того узкие глаза, мой собеседник пристально посмотрел на меня.

– А Вы, Эйрик, как я вижу, совсем не одобряете то направление, в котором развиваются технологии? – спросил он.

– Я модерат, и я категорически против повсеместного засилья технологий.

– Ааа... – засмеялся он своим завораживающим смехом. – Я слышал о вашем движении. Тогда с тобой, как, впрочем, и со мной всё понятно, – Кайоши незаметно перешел на «ты».

Поддавшись его задору, я засмеялся в ответ, чувствуя, как у меня просыпаются самые дружеские чувства к этому замечательному человеку.

– С Вами всё в порядке? Мы уже приближаемся к нашему месту, – раздался серьезный голос Риоты, стоявшего у штурвала.

Обогнув восточную часть острова, мы немного продвинулись на северо-запад. Я узнал то место, где был вчера, продираясь сквозь заросли, и мне вдруг вспомнилась увиденная мной надпись: «Встреча – начало расставания». Отмахнув эту ненужную и столь печальную мысль, я всмотрелся вдаль: слева от нас, на расстоянии нескольких сотен метров, высилась заросшая зеленью Аошима, а далеко впереди, на фоне Ясиро, виднелись острова Оминасе и Коминасе.

Заглушив мотор, Риота оставил свое место и подошел к нам.

– Отец, – произнес он, слегка поклонившись ему, – погода сегодня отличная. Ветра почти нет и море спокойное. Может быть, сегодня мастеру Эйрику улыбнется удача и он поймает нашу любимую рыбу.

Произнеся эти слова, парень бросил лукавый взгляд в мою сторону.

– О, да, – согласился Кайоши, – это, конечно же, будет большая удача!

Две пары глаз отца и сына с большим вниманием уставились на меня, видимо, ожидая какой-то реакции. Мне и впрямь стало интересно, что за сюрприз приготовил для меня Риота.

– Хорошо, хорошо... – не выдержал я. – И какая же рыба является вашей любимой?

– Рыба мечты, конечно же! – ответил Кайоши.

Сняв свою соломенную шляпу, он подбросил ее высоко вверх и прокричал что-то на японском.

– Охота на волчьего угря считается открытой! – перевел мне Риота.

– Волчий угорь так волчий угорь, – пожал я плечами, стараясь ничем не выдавать моего удивления, вызванного столь забавным названием рыбы.

Риота и Кайоши хихикнули, прошептав что-то друг другу на японском.

– Эйрик, – уже серьезно произнес Кайоши, – я хочу тебя кое о чём предупредить – рыбу мечты мы ловим исключительно ради спортивного интереса, но никак не ради наживы.

– Замечательно! – произнес я, предвкушая предстоящую рыбалку.

Риота принес две удочки для спиннинга самой обычной конструкции: удилище в пару метров длиной с пропускными кольцами, а также катушка с намотанной на ней леской и крючком со свинцовым набалдашником. Открыв одну из склянок, стоявших на возвышении между стульями, Риота выудил оттуда несколько морских ежей. Ловко нацепив их на крючки, он подал удочки мне и Кайоши, а сам вернулся к мостику и, неожиданно взяв палку, стал постукивать ею по днищу катера.

– Если быть более точным, – пояснил Кайоши, увидев мой недоумённый взгляд, – то мы охотимся на угревидную зубатку, которая обитает на дне моря и в это время суток спит в своих норах. Поэтому Риота и устроил этот шум, чтобы как-то разбудить ночного хищника.

– Очень интересно! – произнес я.

– Эта зверюга, – продолжил Кайоши, – может достигать два с лишним метра в длину и весить около восемнадцати килограммов. В это время года она обычно держится на мелководье недалеко от берега, и поэтому её можно поймать такой вот обычной спиннинговой удочкой, – он потряс рыболовной снастью перед моим носом. – А вот в зимний период она уходит на глубину, и без блесны и массивного свинцового грузила ее не поймать. Кроме зубатки, крупной рыбы здесь больше не водится. В основном здесь обитает иваси, или, как вы ее называете, сардина. Также на наши удочки могут попасться горбуша, кета, навага и треска. Но все они не превышают и метра в длину, а самая крупная из них едва достигает десяти килограм-

мов веса. Поэтому, как только вы почувствуете тяжесть, то сразу сообразите, что речь идет о зубатке.

Прислушав краткую лекцию об ихтиофауне внутреннего Японского моря и посмотрев, как правильно управляться удочкой я, после нескольких попыток, всё-таки смог удачно закинуть свою как можно дальше в море. Теперь, по словам Кайоши, следовала самая тяжелая для неискушенного рыболова часть – нужно было следить за поплавком и ждать его подергивания, которое должно просигнализировать о том, что рыба попалась на крючок.

Риота, продолжая постукивания, вновь включил мотор, и мы на очень низкой скорости стали курсировать взад-вперед вдоль небольшого пространства.

Устроившись на своих стульях, я и Кайоши погрузились в молчание, наслаждаясь окружающей нас природой. Слабый ветерок обдувал лицо, равномерные и невысокие волны мягко плескались у борта лодки, слегка покачивая ее в такт своим движениям.

– Знаешь, Эйрик, – заговорил Кайоши, пристально смотря на поплавок, – я совсем не понимаю тех, кто сутками напролет просиживает в голографических системах, когда у них буквально под носом находится неопишная красота.

– Мне кажется, – ответил я, – что в ближайшие несколько лет разрыв с реальностью только усугубится. Если сегодня мы еще как-то контролируем компьютерные программы, то после внедрения новой версии андроида во все существующие системы, включая биочип, мы просто потеряем все нити управления над созданным нами искусственным разумом.

– Эх, жалко, что не предусмотрели такую кнопку, – с досадой произнес Кайоши, – на которую можно было бы нажать и выключить всю эту ерунду. Я бы сделал это не раздумывая! Что может быть прекрасней свежего воздуха, морского бриза и теплого Солнца? А что может быть приятнее живого общения? – задал он риторический вопрос.

В непринужденной обстановке, облокотившись на спинки стульев и посматривая на поплавок, мы поведали друг другу краткие биографии своей жизни.

Кайоши рассказал, что они живут в окрестностях небольшого портового поселка Йио-Нагахана, являющегося единственным портом, с которого можно было, не нарушая законов экоострова, добраться на пароме до Аошимы. Там они с супругой, на дух не переносившей рыбалку, обосновались незадолго до рождения сына. Кайоши всегда стремился быть хозяином самому себе – он собственными руками спланировал и построил огромный дом на окраине поселка, на левом берегу реки Хижикава. Родители Кайоши были богатыми людьми и обеспечивали своего свободолюбивого и вольнодумного отпрыска всем необходимым. Так что Кайоши мог позволить себе спокойно, ни о чем не думая, писать никому ненужные детективы и ловить рыбу.

В свою очередь, я рассказал ему о движении модератов и о нашей борьбе с засильем андроидных систем, о своей роли в этом движении и о своем решении «убежать» на Марс от теряющей свой жизненный путь земной цивилизацией. С большой печалью я выразил свое сожаление о принятом ОРЗЕС решении внедрить новое поколение «ню» андроидных систем на экоостровах.

Услышав последнюю фразу, Кайоши отрицательно покачал указательным пальцем:

– Вчера вечером я возвращался с рыбалки и случайно встретился с управляющим острова. Я проплывал мимо причала, а он как раз спешил на паром, отплывающий на Аошиму.

– С Токихиро Одзаки? – переспросил я.

Он кивнул головой и продолжил:

– Так вот, он очень торопился на уже готовый отчалить в море паром, но всё-таки успел сказать мне, что благодаря апелляции, поданной жителями Аошимы против принятого решения о внедрении нандроидных систем на их острове, назначено специальное слушание в Мацуяме с представителями ОРЗЕС и с руководством префектуры. Заседание должно состояться через несколько дней.

– Это не поможет, – я безнадежно махнул рукой. – Во всяком случае, наше движение такой бой уже проиграло.

Кайоши пристально посмотрел на меня из-под своей соломенной шляпы:

– У нас говорят: «Гибкую иву ветер не ломает».

Я не успел ничего ответить, так как услышал окрик Риоты:

– Мастер Эйрик, смотрите, у Вас клюет!

Я посмотрел за корму. Поплавок моей удочки резко дергался, то погружаясь в воду, то вновь всплывая на поверхность.

– Хорошо клюет! – крикнул Кайоши. – Быстрее хватай удочку и начинай наматывать леску на катушку, а то рыба сейчас попытается вывернуться и вырваться из крючка.

Я быстро схватил удилище и сделал это вовремя, так как поплавок наклонился наискосок и леска сильно натянулась. Потянув удочку на себя, я почувствовал тяжесть и отчаянное сопротивление рыбы.

– Мастер Эйрик, дайте ей немного побороться с Вами, а затем на время ослабьте хватку и намотайте леску на катушку до ее напряжения, – подсказал Риота. – Сопrotивляясь Вам, рыба устанет, и Вы легко выудите ее из моря.

– Слушай моего сына, он у нас настоящий профи, – улыбаясь, произнес Кайоши, пристально наблюдая за моими потугами.

Я боролся с попавшейся на крючок морской тварью около десяти минут, то напрягая, то ослабляя хватку и постепенно наматывая леску на катушку легким нажатием большого пальца на предназначенный для этого сенсор. Мы уже давно поняли, что на мою наживку клюнула крупная рыба, так как мне приходилось прилагать большие усилия в единоборстве с ней. Я покрылся потом, а ноги, руки и спину уже начало сводить от напряжения, когда жертва рыболовной охоты внезапно успокоилась.

– Сейчас! – в один голос крикнули отец с сыном.

Несколькими резкими движениями я потянул за удилище, одновременно скручивая леску, и на поверхности воды, в метре от борта лодки, появилось огромное полтораметровое тело какого-то сказочного монстра.

– Зубатка! – воскликнул Риота, подбегая ко мне с длинной палкой с большим крюком на конце. – Мастер Эйрик, подтягивайте ее вплотную к корме.

Я подтянул уставшую зубатку ближе к лодке. Кайоши и Риота распустили сеть, свисавшую с кормы, и Риота ловким движением своих крепких рук, зацепив крюком край сети, поддел ее под рыбу. Вместе с отцом они заученными движениями подняли морского жителя вверх, открепили сеть от кормы и пронесли рыбу вместе с сетью к середине лодки, где и положили ее на палубу.

Разглядывая это морское творение, я понял, в чем состоял сюрприз, приготовленный мне моими гостеприимными друзьями, – рыба имела воистину устрашающий вид: удлиненное, похожее на угря, неуклюжее тело серого цвета с разбросанными по нему темными пятнами было покрыто мелкой чешуей; гибкий спинной плавник с торчащими из него, как спицы, лучами простирался вдоль всего тела; большие, закругленные грудные плавники нервно подрагивали от страха.

Но самой впечатляющей частью тела этого существа являлась его массивная голова с закругленным рылом, с каждой стороны которой находилось по ноздревому отверстию, над которыми располагались маленькие злобные глазки, в которых одновременно застыли и страх, и злость к потревожившим его обидчикам.

Эта длиннющая рыбина лежала на палубе, бессильно извиваясь всем своим длинным телом.

Риота подмигнул мне и, взяв тряпку и небольшую деревянную палку, нагнулся к добытому трофею. Когда он поднес палку ко рту рыбины и слегка прикоснулся к нему, та раскрыла

свою пасть на всю свою величину, и я понял, почему рыба имеет именно такое название, – зубатка или волчий угорь. Зубы у этого угря были словно крюки из страшного сна: на обеих челюстях помещалось несколько рядов зубов, причем в первых рядах они имели клыковидную форму, а в остальных были тупыми, с выпуклыми буграми на концах.

– Ну и урод! – с отвращением произнес я.

Отец и сын дружно рассмеялись.

– Этими зубами, – Риота указал на них рукой, – зубатка способна перегрызть панцирь морского ежа, раков и моллюсков.

– Так что пальцы к ней в пасть лучше не засовывать, – пошутил Кайоши.

– Это самец, – продолжил он, – который очень ревностно относится к своей территории. Если другой самец попытается вторгнуться в район охраняемой им зоны, то битва за место между двумя соперниками будет очень жесткой. Видишь эти шрамы, – Кайоши указал на морду рыбы, и я заметил на ней множество заживших следов былых битв, – это боевые раны, оставленные врагом после таких столкновений.

– Удивительно! – задумчиво произнес я. – Если даже рыбы отстаивают свои места проживания, рискуя ради этого своими жизнями, то что говорить о жителях Аошимы? Они тем более не должны сдаваться перед наступающей угрозой их вековому образу жизни.

– И не только жители Аошимы, – Кайоши похлопал меня по плечу, – но и модераты не должны так легко сдавать свои позиции.

– Проблема только в том, – добавил смущенный Риота, – что противник хозяина территории сражается с ним так же бесстрашно и жестко, как и сам хозяин. Ведь захватчику необходимо выдворить его оттуда и занять нажитое им место.

Я задумался над этими аллегориями, взятыми из жизни морского обитателя, – мне явно было над чем поразмыслить после услышанного. Мои мысли прервал Риота, который заметил, что рыба начинает задыхаться. Они с отцом поспешно перенесли зубатку к корме и аккуратно выпустили ее обратно в море.

– Мастер Эйрик, – обратился ко мне Риота с серьезным выражением лица, – природа явно благосклонна к Вам!

– Да, да... наверное, – смущенно ответил я. – И я ей очень благодарен. Это большое удовольствие – быть на природе, чувствовать и принимать от нее столь ценные дары.

Следующие пару часов мы ловили рыбу с помощью нескольких троллинговых удилищ, которые мы прикрепили к специальным держателям на корме. За это время нам попалось с десятка двадцатисантиметровых сардин и штук пять такого же размера наваг. Весь пойманный улов Риота аккуратно складывал в ведра.

Затем, внезапно почувствовав сильный голод, мы с большим аппетитом пообедали. Кайоши в шутку отчитал меня за то, что я пришёл к нему в гости со своей едой, и угостил меня рисовыми шариками и его фирменными нигири-суши, которые они с Риотой быстро приготовили прямо на месте, используя мясо пойманной нами сардины. А принесенные мной сэндвичи мы, недолго думая, решили использовать в качестве наживки.

Покончив с обедом, мы растянулись на матрасах в тени от навеса из брезента. Риота и Кайоши заранее установили его на шестах, вытасненных из-под палубы и вставленных в специальные отверстия вдоль бортов. Лодка стояла на опущенном якорю и размеренно покачивалась на волнах.

– Так бы и жил здесь, посреди моря, – мечтательно произнес Кайоши, с трудом сдерживая зевок.

– Я бы тоже! – произнес Риота. – По ту сторону моря так скучно, – печально добавил он, неопределенно махнув рукой куда-то за борт.

– У тебя нет друзей? – поинтересовался я у него.

– Откуда они у меня? – он удивленно посмотрел на меня. – Все только и заняты тем, что ходят со своими мигалками в голове, погруженные в самих себя. Не с кем поговорить по-настоящему – по-дружески или поиграть в реальную живую игру, – в словах Риоты звучала ничем не скрываемая скорбь по детству. – Никто не смотрит на тебя, никто даже не пытается тебя обидеть или задеть – ты просто никому не нужен, – продолжил он. – У меня уже давно такое впечатление, что вокруг не люди, а полуроботы, и ты словно чужой среди них.

– Мне знакомо это чувство, – согласился я. – Правда, в отличие от тебя, у меня есть друзья, но и из них меня мало кто понимает.

– Я слышал Ваш разговор с отцом, мастер Эйрик, – зашептал Риота под тихий храп своего отца, – и мне нравится то, о чем Вы говорили, – о том, что мы теряем свой жизненный путь, – в черных и серьезных глазах Риоты светилась искра понимания.

– С этим необходимо бороться, – ответил я. – Бороться с людьми, похожими на роботов, которые нас окружают, пока это еще возможно. Как это делает зубатка, защищающая свою территорию. Иначе недалек тот день, когда они уже перестанут быть похожими на полуроботов, – они станут полноценными роботами.

– Да! – согласился Риота, и я заметил, что на этот раз в его глазах промелькнула искра страха.

Мы поговорили еще немного и незаметно погрузились в короткий, но приятный и снимающий усталость сон.

За час до наступления вечера Кайоши поспешил вернуть меня на остров, так как скоро должны были подняться волны и им нужно было успеть добраться обратно до Йио-Нагахана. Договорившись встретиться еще раз через неделю, причем они разрешили мне прихватить с собой Майка и Лидию, мы расстались, довольные знакомством и прошедшим днем.

Уставший и довольный, я возвращался к своему домику, сжимая в руке увесистый кулек с нигири-суши. По дороге мне повстречались парочка шарахнувшихся от меня котов и несколько жителей, приветствовавших меня легким поклоном. В воздухе стояла предвечерняя тишина, и с моря поддувал приятный ветерок. Я был весь в предвкушении предстоящего ужина, собираясь пригласить на него своих соседей Майка и Лидию.

Уже подходя к своему домику, в сгущавшихся сумерках я заметил одинокий силуэт, стоявший напротив входа в дворик моего дома и смотревший на море.

– Эйка! – услышал я знакомый голос Сэнго и вздрогнул от неожиданности.

Предложение Марса

Она была одета в темные облегающие джинсы, темную свободную кофточку, развевающуюся на ветру, и в спортивную обувь. Длинные распущенные волосы и стройная высокая фигура, контур которой сиял на фоне заката, создавали особый мифический образ, как будто бы вышедший из японского божественного пантеона. Скрестив руки на груди, она окинула меня пристальным взглядом своих огромных глаз.

– Что, Эйка, ты меня испугаться? – усмехнувшись, спросила она, увидев мой удивленный взгляд. – Ты, наверное, думать, что я Хари-онаго?

– Хариона? – переспросил, я не расслышав. – Нет, просто не ожидал тебя здесь увидеть.

– Да, я не Хари-онаго, так что ты спокойно можешь мне улыбаться, и я не порвать тебя на части, – она попыталась скорчить страшное лицо, сделала шаг навстречу и выпустила руки вперед, словно пытаясь схватить меня.

– Не знаю, кто такая Хариона, но выглядит устрашающе.

Сэнго рассмеялась моей шутке:

– Это такая очень красивая девушка с длинными волосами. Этими волосами она схватывать парней, которые улыбаются ей. Она их схватывает и разрывает на части крючками и шипами на ее волосах!

– Бррр... – поежился я, представив себе эту жуткую сцену.

– Эйка, моему отцу нужна твоя помощь, – добавила она уже серьезным тоном.

– И он послал тебя для переговоров? – спросил я.

– Нет, я сама решила с тобой говорить. Отец не хотел тебя беспокоить, и он не знает о том, что я пришла к тебе сама за помощью.

Вспомнив свою сегодняшнюю беседу с Кайоши, я, кажется, понял, в какой именно помощи нуждался Токихиро.

– Ты, наверное, знаешь, что ОРЗЕС собирается установить на нашем острове нандроидные технологии? – спросила Сэнго, поправляя свои колыхавшиеся на ветру волосы.

Я утвердительно кивнул головой:

– Кайоши рассказал мне, что вы подали апелляцию на это решение и через пару дней должна состояться комиссия по этому вопросу.

– Кайоши! – весело воскликнула Сэнго, – Вот чем ты сегодня заниматься! Наверное, в кулечке его знаменитые суши?

– Ага! – подмигнул я ей, – Хочешь половину?

– Нет, нет, спасибо... Так вот, заседание назначено на послезавтра, – вернулась она к разговору, неуверенно поглаживая свой шрам на подбородке. – Отец думать, что будущее Аошимы зависит от этого решения, и считать, что нам это дело никак не выиграть.

– Я тоже так считаю.

– Мы все так думать, – она устало пожала плечами, – и жители острова ни на что не надеются, но отец не хочет сдаваться без боя. Я совсем не разделять его отношения по поводу технологий на нашем острове, но в последнее время он ходит сам не свой и мне жалко смотреть на него. Тогда я рассказать отцу, что ты являешься модератором и можешь нам помочь. Но он сказать, что ты приехал сюда отдыхать, а не заниматься проблемами неизвестных тебе людей.

– Почему же, я вовсе не прочь оказать вам помощь! – воскликнул я, рассматривая красивое лицо моей собеседницы. – Но как я могу быть вам полезным?

Услышав о моем стремлении помочь, Сэнго обрадовалась, и всё ее лицо осветилось прекрасной улыбкой. Приблизившись ко мне, она слегка коснулась моего локтя:

– Завтра утром ты приходишь к нам и поговоришь с отцом. Посмотри, что ты можешь сделать для нас.

Ее глаза на мгновение волнующе встретились с моим взглядом. Мне показалось, что в этот самый миг я почувствовал легкий запах жасмина и увидел, как в ее глазах качнулись все звезды вселенной. Казалось, что время остановилось, но это был всего лишь миг...

В то время как я приходил в себя от пронзивших меня до глубины души чувств, она уже уходила обратно.

– Будем ждать тебя, Эйка Кэрл! – ее голос донесся до меня словно из другой вселенной.

Проводив ее взглядом, пока она не скрылась из виду, я направился к дому Томских, чтобы пригласить их на ужин, но на мой стук в дверь никто не отозвался. Связавшись с Майком по планшету, я узнал, что они недавно вышли на прогулку и собираются еще долго дышать свежим воздухом, а завтра они планируют отправиться на Сикоку и провести время там. Так что мы договорились перенести наш совместный ужин на следующий день.

Войдя к себе домой, я в первую очередь принял душ, а затем созвонился с родителями и рассказал им о прошедшем дне и о том, как я прекрасно провожу здесь время. Затем я связался с Токихиро, и мы с ним договорились, что завтра в девять утра встретимся в его доме.

После всего этого я ринулся на кухню и обнаружил там оставленные мне пакетики с едой для быстрого приготовления, которые я заказал по планшету еще утром. Меня ждали пакетики с удоном¹⁰, приправленным соевым соусом и мелкими кусочками овощей, приготовленных в кляре, пакетик с маринованными закусками, называемыми цукэмоно, баночка консервированного тунца и коробочка с вагаси¹¹, приготовленными с использованием батата.

«Скромный, но аппетитный ужин. Чисто по-японски!» – я с восхищением осмотрел ингредиенты предстоящей трапезы.

Положив принесенные суши Кайоши в холодильник, я за короткое время покончил с приготовлением ужина. Вкусные запахи свежих продуктов, которых так не хватает в нашем мире, и время, активно проведенное на море в дружеской компании, дали знать о себе с большой напористостью – я почувствовал голод и, не успев закончить с готовкой, набросился на еду.

Покончив с ужином и убрав за собой, я отправился в салон, чтобы поваляться на диване и поразмыслить над ситуацией, сложившейся вокруг поданной жителями Аошимы апелляции.

«Хочешь не хочешь, а проблемы найдут тебя даже вдали от всех дел», – вздохнул я, усаживаясь на диван.

Уставившись невидящим взглядом в пустой экран развлекательной системы, висевшей на стенке напротив меня, я задумался о предстоящих событиях.

Созданная ровно семьдесят лет назад организация земных содружеств, заменившая собой просуществовавшую чуть менее ста лет Организацию Объединенных Наций, объединила под своим началом различные политические союзы и блоки, существовавшие на тот момент между странами. Таким образом, была создана единая мировая политическая структура, базирующаяся на общих законодательных и экономических законах. Со временем образовавшиеся содружества включили в себя оставшиеся группы стран, не вошедшие ранее в созданную организацию, и через двадцать лет после своего основания ОРЗЕС имел устойчиво функционирующее управление во всех уголках Земли. Каждое из содружеств выбирало своего представителя, входившего в узкий координационный кабинет организации, который, в свою очередь, назначал министров на различные области управления и решал глобальные вопросы путем демократического голосования. Всего таких содружеств было тринадцать.

Одним из важнейших министерств ОРЗЕС было министерство по технологическому развитию (МИНТЕР). Уже начиная с начала тридцатых годов прошлого века, когда весь мир был в ожидании предстоящего полета первых колонистов на Марс, технологический прогресс стал всё больше и больше ставиться во главу всех мыслимых и немыслимых проектов, а еще через

¹⁰ Удон – один из видов лапши из пшеничной муки, характерных для японской кухни.

¹¹ Вагаси – традиционные японские десерты.

десятилетие развитие технологий стало наиважнейшим направлением в политике практически всех стран мира.

Именно тогда сумасшедшие темпы развития технологий сильно напугали только что основанную организацию содружеств, и она попыталась принять превентивные меры, провозгласив, в частности, создание особых островных зон, свободных от бурного роста технологий и их влияния на психику людей. Меры, принятые в то время, немного охладили темп технопрогресса, но появление в шестидесятых годах голографических систем вновь придало ускорение росту технологий, хотя и контролируемое министерством по технологическому развитию. Тем не менее на сегодняшний день законы, принимаемые организацией содружеств и его министерством, направлены не столько на снижение влияния технологий на психику людей, сколько на их линейное и поэтапное развитие с последующим повсеместным внедрением.

Благодаря такому контролю различные виды систем, действовавших до середины шестидесятых годов, постепенно уступили место одной – андроиду, который был официально признан МИНТЕР флагом операционных систем будущих технологий.

За полвека, прошедшего с тех пор, андроид успел сменить семь версий, поменяв свое название с «эпсандройд» на «нанройд», выход которого ожидался буквально на днях. Сегодня андроид занимал около девяносто трех процентов всех систем. Остальные семь процентов всё еще были установлены в некоторых учреждениях, которые никак не решались отказаться от своих старых, но надежных систем. Из-за таких упрямых консерваторов МИНТЕР уже давно обсуждал выпуск закона, который бы обязал и их перейти на андроидные системы.

Движение модератов возникло около десяти лет назад, когда супружеская пара Суарес, ученых-психологов, специализирующихся на влиянии голосистем на сознание и психику людей, озабочилась разрушительным действием развивающихся технологий на индивидуума в частности и на общество в целом. Они пришли в ужас от результатов проведенных ими исследований: всё больше детей последнего поколения росло без минимального контакта с родителями и без общения со сверстниками, что неумолимо должно было привести к появлению поколения с ущербной психикой; увеличивалось отсутствие живого и полноценного взаимоотношения между людьми, что являлось прямой дорожкой к деградации общества и его ценностей; усугублялось острое нежелание рожать детей и создавать семьи. Всё это, по мнению четы Суаресов, вело человечество к неминуемой гибели.

Не желая оставаться равнодушными к таким глобальным проблемам, Карлос и Анита Суарес основали движение, призывающее к отказу от технозависимости и к принятию мер к модерированию внедрения технологий в жизнь.

К сожалению, ведущие психологи МИНТЕР раскритиковали исследования этих, как они их называли, горе-модератов, озабоченных надуманными и несуществующими проблемами. Показав в голосистемах красивые цветные картинки, иллюстрирующие здоровое состояние общества, стремящегося к полной свободе от причуд природы, к здоровью, к долголетию, к благосостоянию и к счастью, они просто-напросто осмеяли чету Суарес.

Тем не менее данные Суаресов и их деятельность смогли посеять зачатки сомнений в умах некоторых людей, таких, как Майк и Лидия, заставив их задуматься о своем будущем. К сожалению, таких людей были считанные единицы и их влияние на общественное мнение было незначительным.

Несмотря на полученную критику и публичное осмеяние, у Карлоса и Аниты не было планов опускать руки. Создав движение модератов, они вовсе не думали сдаваться и продолжили свою деятельность, устраивая различные акции протеста и публикуя свои статьи в голосистемах.

Я присоединился к деятельности модератов через пару лет после основания движения и вот уже восемь лет как активно работал на него, снабжая Суаресов различными материалами и данными по технологическим новшествам, а также выступая в голосистемах. Будучи журна-

листом, я мог понятно и доходчиво обрисовывать существующие проблемы. К сожалению, нас было мало, нас мало кто поддерживал, к нам мало кто прислушивался, и мы постоянно терпели поражение в противостоянии с ОРЗЕС и с его министерством по технологиям. Нашим последним весомым поражением было решение о внедрении нандроидов на экоостровах – на этих последних убежищах, где еще существовал здоровый образ жизни.

«Но если жители Аошимы смогут отстоять свое право на независимость от технозависимости, то у нас еще не всё потеряно, – размышлял я. – Может быть, это остановит безудержные попытки минтеровцев подчинить всех и вся единой компьютерной системе, подавляющей волю людей. Может получиться так, что мой приезд сюда был не напрасным. Карма – так сказали бы в средневековой Японии».

Вспомнив увиденную мной вчера надпись: «Гадатель не знает своей судьбы», я вздохнул и поднялся с дивана, чтобы немного размяться после долгого сидения и очистить голову от долгих размышлений.

К сожалению, развеяться мне не особо удалось – воспоминания о Суаресах вновь отчетливо вспыхнули в моей голове. Я мысленно вернулся в тот день, когда ОРЗЕС решала вопрос о технологическом статус-кво, действовавшем на экоостровах. Организация содружеств должна была принять окончательное решение по этому делу. Поскольку это было очень важным решением для модератов, то все активисты этого движения, а также их немногочисленные сторонники прибыли ко дворцу Наций в Женеве, являвшемуся зданием ассамблеи и главной резиденцией ОРЗЕС. Там, на площади возле здания ассамблеи, где проходило закрытое совещание координационного кабинета тринадцати содружеств, мы устроили демонстрацию.

Громко выкрикивая в сторону закрытых окон дворца различные требования и подсвечивая пространство над нашими головами голографическими лозунгами, мы призывали руководителей содружества приостановить выдвигаемый законопроект, инициированный МИНТЕР, и не допустить распространения нандроидов на экоостровах. Мы надеялись, что наше возмущение вызовет хоть какое-то действие на кабинет, и выражали свое громогласное негодование по поводу того факта, что решение о внедрении новых технологий на экоостровах МИНТЕР принял экспромтом всего лишь два дня назад, не поставив в известность об этом ходе ни одного из представителей экоостровов.

– Наверное, они вконец решили разрушить то единственное, что еще осталось от здравого смысла существования всей нашей цивилизации, – негодовала Анита.

Суаресы – и муж, и жена, – были оба невысокого роста, немного полные и имели неприглядную с виду наружность. Карлос походил на испанского донна, вышедшего с исторических романов, – полное лицо, которое обрамляли торчащие в разные стороны усы, испанская бородка и ровные, аккуратно причесанные назад волосы. У Аниты было такое же полное лицо, как и у мужа, и короткие седые волосы, которые она постоянно приглаживала рукой. Но, несмотря на свои небольшие физические размеры, оба они были буквально напичканы неисчерпаемой внутренней энергией.

– Не ведают, что творят, – произнес Карлос, повторяя известное выражение.

Их сын Мигель, с которым мы были сверстниками и товарищами, обратился ко мне и к Ванессе:

– Не думаю, что наши усилия к чему-либо приведут, – печально произнес он.

– Ну же, Мигель! – ярко-красные губы Ванессы растянулись в улыбке. – Немного оптимизма нам все же не помешает.

Мигель кивнул и отошел к родителям, выстрелив в воздух очередной голографический лозунг. Сын Суаресов имел высокую и худощавую фигуру, разительно отличавшуюся от его низкорослых и полных родителей, но, к сожалению, их заразительной энергией он не обладал.

– Нельзя решать такие вопросы без представителей экоостровов! – выкрикнул кто-то из демонстрантов. Толпа зашевелилась и начала скандировать в один голос требование отложить принятие решения.

Ванесса схватила меня под руку и указала рукой на Карлоса, рядом с которым копошилось несколько его помощников. Присоединив к его коже под гортанью электронную наклейку громкоговорителя, они помогли ему взобраться на небольшой постамент с антигравитонами.

– Сейчас будет речь, – шепнула Ванесса, озаряя меня своим милостивым лицом мулатки.

Постамент поднялся над землей на несколько метров, и Карлос, прокашлявшись, начал свое выступление.

– Куда пропала настоящая любовь, где мы потеряли нашу отвагу и доблесть? Куда подевались прекрасные романтика, чувства и эмоции? Куда исчезло всё то, что делает нас людьми? – взволнованно воскликнул Карлос, всматриваясь в лица тех немногочисленных демонстрантов, которые пришли его поддержать. Выдержав паузу в пару секунд и не обращая внимание на крутившихся вокруг него дронов с голокамерами, снимавших его для трансляции событий в голосети, Карлос продолжил: – Увы, но дети всё меньше и меньше знают, что такое настоящая родительская любовь, и мы больше не слышим детского крика на улицах. К сожалению, родители и подростки очень редко покидают пределы иллюзорных миров, созданных современными технологиями, а дети, по большей части, воспитываются голоньями. Живое общение и взаимоотношения между людьми в реальном мире стали большой редкостью; мы забыли о дружбе и о сотрудничестве друг с другом, а ведь это, – обернувшись лицом к зданию ассамблеи, Карлос потряс руками в воздухе, – основа основ человеческой цивилизации! Поэтому, – продолжил он, – я призываю кабинет тринадцати прислушаться к нашим словам и принять все меры, чтобы не усугублять проблему, которая в недалеком будущем приведет к краху нашей цивилизации. Я призываю их приостановить внедрение новых технологий не только на экоостровах, но и во всех содружествах. Нам необходимо как можно быстрее прекратить всё возрастающую зависимость человечества от технологии.

Карлос вновь повернулся к демонстрантам и встретился со мной взглядом. Словно вспомнив что-то, он улыбнулся и поманил меня рукой.

– Я хотел бы, чтобы один из наших активистов, занимающийся сбором и анализом различных данных и материалов для нашего движения, немного рассказал о том губительном влиянии, которое оказывает на нашу цивилизацию зависимость от голотехнологий. Эйрик Кэррол, – позвал он меня, – прошу Вас!

Вспоминая эти недавние события, я припомнил все мои сухие статистические факты, которые я привел на демонстрации в Женеве и которые до этого я не раз приводил в своих выступлениях в голосетях. Припомнил я и глубокое разочарование на лицах Ванессы, Мигеля, четы Суаресов и прочих немногочисленных демонстрантов, когда у входа в здание ассамблеи организации земных содружеств появились тринадцать представителей кабинета, каждый в костюме цвета своего содружества, и огласили свое окончательное решение. Не предоставив никаких разъяснений по поводу голосования, они лишь кратко заявили, что двенадцать из них проголосовали за внедрение нандроида на экоостровах, и только Роман Савин, лидер колонии на Марсе, проголосовал против. Этот высокого роста марсианин, облаченный в рыжеватато-красный костюм, олицетворяющий цвет его планеты, стоял немного в стороне от всех прочих и сочувственно поглядывал в нашу сторону. Обычно представители Марса участвовали на таких голосованиях виртуально, физически находясь на Марсе, но в экстренных случаях они прилетали на Землю. Поэтому появление Савина говорило о важности такого решения для колонии на Марсе.

Ну что ж, мы вновь потерпели поражение...

Демонстранты уныло покидали площадь перед зданием Наций, но я, Ванесса и Мигель еще что-то продолжали обсуждать у здания ассамблеи, когда к нам подошел Савин. Он был

потрясающе высокого роста, даже выше, чем наш общий с Ванессой друг Михаэль. На его широком лице, обрамленном начинающей седеть щетиной, светились умные карие глаза. Савин возвышался над нами, слегка покачиваясь из-за привычки вечно носить гравитационную обувь на Марсе, которая была призвана создавать гравитацию, равную земной.

– Добрый день! Я – Роман Савин, – представился он, и я сразу распознал в нем человека с простым, но решительным характером.

– Мы знаем, кто Вы, – ответил Мигель, – и благодарны за Вашу поддержку.

– Вы, – продолжил Савин, кивнув в ответ Мигелю, – должно быть, Мигель? А Ваши спутники – Эйрик и...

– Ванесса! – пролепетала моя знакомая, пребывавшая в некотором замешательстве от высокого роста Романа. – Вы такой... – промямлила она, – я, конечно, видела Вас в передачах, но в реальности Вы просто гигант!

Савин рассмеялся густым басом и дружески пожал всем нам руки.

– Мы, – произнес он, обращаясь к Мигелю, – то есть марсианское содружество, всячески поддерживаем движение, созданное твоими родителями, и считаем вашу борьбу очень важной для всего человечества. Впрочем, вы и сами хорошо знаете, что Марс категорически против внедрения нандроида на своих системах, и мы, так же, как и модераты, всеми силами выступаем против зависимости человека от технологий.

– Да, мы это очень хорошо знаем, – ответила Ванесса, уже успевшая прийти в себя. – Но меня всегда интересовал вопрос, каким же образом вы сможете развивать свои системы без внедрения новейших технологий?

Немного помедлив, Савин задумчиво посмотрел на нас. Казалось, вопрос Ванессы немного удивил его.

– Мы ведь научная колония, – ответил он, пожав плечами. – И мы вполне способны развивать системы и технологии своими силами.

– Но МИНТЕР вам этого не позволит! – вмешался я в разговор. – Они спят и видят, как объединяют все существующие системы в одну.

– Поэтому-то мы сейчас и разговариваем, – загадочно произнес он. Увидев удивление на наших лицах, Роман поспешил объяснить: – Еще вчера я встретился с твоими родителями, Мигель, и предложил им переехать на Марс, чтобы они помогли нам в политической борьбе с ОРЗЕС.

Мигель ошарашенно уставился на Савина. Я и Ванесса с интересом ждали продолжения.

– Но они, – продолжил Роман, – наотрез отказались покинуть Землю, так как, по их мнению, борьба здесь еще не окончена. Тем не менее они согласились, что Марсу действительно нужна помощь, и предложили мне поговорить с тобой и с Эйриком. По их мнению, вы сможете достойно представлять интересы модератов и интересы Марса перед ОРЗЕС. Что скажете?

Здесь было о чем подумать. Движение модератов едва насчитывало несколько сот человек, и если наше влияние на умы землян было незначительным, то на решения, принимаемые ОРЗЕС, и вовсе нулевым. В свою очередь, колония на Марсе со своими научными лабораториями, проектами и разработками имела большее влияние на МИНТЕР и могла оказать нам большую помощь в распространении наших принципов технонезависимости. С другой стороны, любую идеологию всегда лучше продвигать в непосредственном контакте с тем населением, на которое эта идеология направлена. При нахождении на другой планете такого контакта просто не будет. Но если Карлос и Анита останутся здесь, а я с Мигелем будем работать на Марсе, то у нашего движения при поддержке Марса может появиться шанс добиться хоть каких-то результатов.

Высказав все эти соображения Савину, я посмотрел на Мигеля. Несмотря на его врожденный пессимизм я всё же, надеялся, что он заинтересуется марсианским предложением и вооду-

шевится моими соображениями на этот счет. Но в Мигеле, как обычно, взяла верх его неуверенность перед принятием какого-либо важного решения.

– Нам уже ничего не поможет, – неуверенно произнес он. – Нас слишком мало, а Марс слишком далеко.

– Ты что, уже сдался? – с усмешкой спросила Ванесса.

– Нет... – Мигель пожал плечами. – Я буду всеми силами помогать родителям здесь, на Земле, но на Марсе я буду чувствовать себя абсолютно бесполезным.

– Ну а Вы, Эйрик? Я вижу, что мое предложение Вас заинтересовало? – с надеждой в голосе обратился ко мне Савин.

Я попросил у Романа время обдумать своё решение в спокойной обстановке и пообещал дать ему ответ в ближайшие дни.

Последний Като

С Токихиро Одзаки, управляющим Аошимы, мы договорились встретиться в десять утра. Поэтому на следующий день после рыболовной прогулки я встал немного позже, чем обычно, – за час до встречи, проспав как убитый целых десять часов.

Не спеша перекусив омлетом и выпив чашку зеленого чая, я отправился на встречу. Выйдя на улицу, я увидел Майка и Лидию, мирно сидящих на креслах-качалках у входа в свой домик и греющихся на солнышке.

– Привет, Томские! – поздоровался я с ними. – Я задолжал вам ужин, надеюсь, что вы не забыли?

– Обязательно! – размеренно ответил Майк, а Лидия заулыбалась, покачиваясь на кресле.

– У Вас очень активный отдых, Эйрик, – весело прошептала она. – Опять идете обследовать этот маленький остров?

– Нет, – ответил я, – на это раз мне надо кое-что обсудить с Токихиро.

– Что-то случилось? – Майк вопросительно приподнял бровь.

– Вечером всё расскажу, – ответил я, выходя на дорожку. Махнув на прощание рукой своим соседям, я отправился в сторону дома Одзаки.

Погода, как всегда, стояла прекрасная – ясная и теплая с отсутствием какого-либо признака на облачность. Горы Сикоку всё так же плавали вдали, а местные рыбаки всё так же поклевывали своими удочками или подергивали своими сетями в стремлении поймать незадачливую рыбу.

«Интересно, – с белой завистью подумал я, – что сейчас поделявают Кайоши и Риота? Наверное, в полной мере наслаждаются вчерашним уловом. Мне даже страшно представить, что будут делать люди, подобные Кайоши, если МИНТЕР примет какой-нибудь очередной закон, усиливающий зависимость от технологий. Например, обязует всех нас имплантировать в свой мозг биочипы и голопорты? И что в таком случае станет с Аошимой?»

Мысли о судьбе этого острова неожиданно привели меня к воспоминаниям о последней встрече с Сэнго. Я почувствовал, что в тот миг, когда наши глаза встретились, во мне навсегда что-то изменилось. Мне вдруг сильно захотелось увидеть ее снова, но я тут же попытался охладить свой пыл.

«Этого мне еще не хватало!» – размышлял я, продолжая идти к дому управляющего, как обычно, не встречая никого на своем по пути. – Приехать на пару недель отдыха на Аошим и... и влюбиться. Это надо прекратить на корню: во-первых, кажется, у нее есть парень, – я припомнил, что в первый раз, когда увидел Сэнго и Шинджу, они весело прощались с каким-то молодым человеком, привезшим их на пароме на остров, – ...а во-вторых, я не могу позволить себе развить определенные чувства, а затем взять и улететь на Марс, забыв обо всем на свете. Будет лучше, если я не буду мучать ни себя, ни, тем более, эту прекрасную девушку!» – мысленно решил я для себя.

С твердым решением быть вежливым, но не более того, с Сэнго, я приблизился к дому Токихиро. Поднявшись по ступенькам, на которых под утренним солнышком грелись несколько рыжих котов, вяло задвигавших хвостами при моем приближении, я подошел ко входной двери и позвонил.

Послышались приглушенные голоса и шаги, створка двери раздвинулась, и передо мной предстал управляющий – на этот раз он был одет в темно-коричневый костюм со светлой рубашкой под ним. Мы поклонились друг другу, и я зашел вовнутрь.

Как было положено, я снял свою обувь, и мы прошли в гостиную, в которой пару дней назад Токихиро со своими дочками принимал нас на Аошимае. Перегородка фусума была

закрыта, а на подушечках за столиком у окна сидели мужчина и женщина пожилого возраста, которые, при виде меня, поднялись для приветствия.

– Это – Кайхо Като, – представил Токихиро мужчину, – а это – Мизуки Охира. Они помогают мне в управлении островом и являются моими советчиками по различным вопросам. А еще они мои хорошие друзья, – на его добродушном лице мелькнула улыбка.

Затем он обратился к Кайхо и Мизуки на японском, видимо, представляя меня, так как я услышал свое имя.

– Я представил Вас моим друзьям, – объяснил Токихиро, – и объяснил им, что Вы приехали к нам на отдых, а также сказал, что Вы являетесь активистом движения модератов и готовы помочь нам в нашей апелляции.

Закончив официальную часть, Токихиро пригласил всех нас сесть на подушки. На столе уже были расставлены чайные принадлежности, и наполнявший комнату аромат жасмина сразу же напомнил мне о Сэнго. И как бы я ни гнал прочь мысли о ней, я всё же не удержался и спросил:

– Токихиро, а где Ваши дочери?

– Пару часов назад они отправились в Мацуяма к... – Токихиро неожиданно сделал паузу и тяжело сглотнул, – к Ивасаки – к родителям моей покойной жены. Рику Ивасаки, бабушка моих дочерей, является заместителем управляющего нашей префектурой. Кстати, управляющий является одним из членов комиссии, которая завтра будет рассматривать нашу апелляцию.

«Это может быть плохо для нашего дела», – подумал я, вспомнив о том, что Сэнго рассказывала мне о напряженных отношениях между Токихиро и родителями его жены.

– Сэнго и Шиндзу, – продолжил Токихиро, – попробуют уговорить своего дедушку повлиять на решение комиссии.

«Как интересно, – подумал я, – иногда решение судьбоносных вопросов зависит от абсолютно случайных и не имеющих абсолютно никакого отношения к рассматриваемой проблеме факторов: смерть матери Сэнго при ее родах, нежелание смириться со своей утратой ее родителей... все эти личные проблемы могут решить судьбу Аошимы, а может быть, и всех экоостровов. Но здесь любая логика и доводы бессильны. Ничего не поделаешь – такова жизнь!»

– Введите меня в курс дела, – попросил я у Токихиро.

Управляющий, чередуя английский с японским, рассказал, что в течение нескольких дней после того, как они узнали о решении ОРЗЕС внедрить готовящиеся к выпуску нандронидные системы на экоостровах, обеспокоенные жители острова наперебой начали задавать ему и его помощникам вопросы о своем будущем. Видя все возрастающее недовольство аошимцев и не получая каких-либо вразумительных ответов от префектуры, Токихиро, Кайхо и Мизуки решили подать официальную апелляцию, что они и сделали за несколько дней до моего приезда на остров.

Мизуки, сухопарая японка с редкими седыми волосами и большими глазами, произнесла что-то на японском.

– Она говорит, – перевел Токихиро, – что всё население острова протестует против неправомочных действий ОРЗЕС. Аошима получила статус экоострова около семидесяти лет назад, и нельзя вот так вот взять и отменить этот статус, не советуясь ни с кем из представителей экоостровов.

– Помогите нам! – произнесла Мизуки на ломаном английском.

Молчавший до этого Кайхо, такой же сухопарый и седой, как и Мизуки, только имеющий более густые волосы, подвязанные в косичку, присоединился к разговору. Волнуясь и постоянно трогая губы, он что-то долго говорил Токихиро.

Внимательно выслушав его и тяжело вздохнув, Токихиро коротко ответил Кайхо на японском и перевел:

– Кайхо говорит, что его семья живет здесь уже много поколений, и Аошима – их родной дом, который они не променяют ни при каких обстоятельствах. Здесь похоронены все его предки, и сам он собирается найти здесь свое последнее пристанище. С давних времен они передают секреты рыболовства от отца к сыну, и вот уже и его внуки каждое утро тоже выходят в море. Но он боится, что если Аошима попадет под зависимость от технологий, то долго она не протянет – молодежь окончательно покинет остров, а он будет последним Като на Аошимае.

Мне было очень печально слушать эти слова, за которыми скрывался страх за будущее своего дома и своих традиций. Вполне вероятно, что опасения старого Като скоро могут стать реальностью.

– Помогите нам! – вновь произнесла Мизуки.

– Что вы от меня ожидаете? – спросил я у них.

– Вчера я просмотрел Ваше выступление, – ответил Токихиро, – и выступление Карлоса на митинге в Женеве пару месяцев назад. Я подумал, что Вы, может быть, сможете вновь выступить перед комиссией в Мацуяма и привести Ваши данные уже не перед митингующими, а перед официальными лицами. Что Вы думаете? – он вопросительно посмотрел на меня. – В Женеве Вам не предоставили никакой возможности повлиять на проходившее голосование, а в Мацуяма у Вас такая возможность будет.

Управляющий перевел произнесенное им на японский своим друзьям, и они втроем установились на меня в ожидании ответа.

Я задумался над словами Токихиро. Смотря на остывающий на столике чай и вдыхая аромат жасмина, я рисовал в своем воображении перспективы сделанного мне предложения.

«Не этого ли мы добивались? Не к этому ли стремлюсь я сам? Если я согласился на предложение Марса, то отозваться на призыв о помощи от Аошимы я просто обязан. Если я приму предложение управляющего, то у нашего движения появится возможность встретиться лицом к лицу с представителями ОРЗЕС и МИНТЕР, что до этого никому из нас еще не удавалось. Может быть, это что-то, да изменит. Если бы здесь были Суаресы...»

– Я готов помочь вам, – ответил я, – но перед этим я хотел бы связаться с Карлосом и Анитой – лидерами нашего движения, чтобы получить от них инструкции для такой встречи.

– Конечно! – согласился обрадованный моим ответом Токихиро. – Любая помощь не помешает.

Он перевел сказанное мной Кайхо и Мизуки, и это известие их очень обрадовало.

– Спасибо Вам! – произнесла Мизуки.

– Комиссия назначена на завтра на одиннадцать часов дня, – добавил Одзаки. – Я вышлю комиссии официальную просьбу, чтобы получить разрешение на Ваше участие в заседании. Не думаю, что будут какие-то проблемы, но если таковые возникнут, то я сразу же Вам об этом сообщу. Ну, а если всё будет в порядке, о чем я также Вам сообщу, то завтра в девять утра мы втроем будем ждать Вас на пристани у бронзовой статуи кошки, – договорился он со мной. – А теперь, – продолжил он с улыбкой, – давайте насладимся чаем, пока он окончательно не остыл.

За чаепитием, которое на это раз проходило без церемонии, я поближе познакомился с Кайхо и Мизуки. Оба они оказались старожилками острова. Кайхо уже редко выходил на рыбалку и в основном помогал своим внукам по хозяйству, а Мизуки работала поварихой в общественной столовой острова, готовя, по словам старшего Като, изысканные блюда из риса, бобовых и рыбы. Всю жизнь они прожили на острове и готовы были во что бы то ни стало отстаивать интересы своего сообщества.

Из их рассказов я понял, что население острова было очень дружным и сплоченным, что было вполне закономерно для уединенного и небольшого коллектива, насчитывающего сорок три человека. Общие ценности, которые разделяли все жители Аошимы, еще больше

укрепляли это маленькое общество. Увы, но их идиллии мог наступить скорый и печальный конец.

– Семьдесят лет назад мои прадеды, – рассказывал Кайхо, – видя, куда катится этот мир, всё больше подпадающий под зависимость от технологий, не пожелали смириться с этой опасной проблемой. Они боялись окончательно потерять связь со своими детьми. Ценой непростых для себя решений они добились того, что наш остров признали свободным от различных технологических нововведений. И вот теперь, – негодовал Като, нервно потрагивая свои губы, – никого не спросив, эти минтеровцы решили посмеяться над всеми нами и простым росчерком пера отменить всё то, чего с таким трудом добились наши отцы?

В таком духе, обсуждая различные проблемы, грозящие нагрянуть на остров после предстоящего решения ОРЗЕС, а также обсуждая совместную стратегию нашего поведения на встрече с комиссией, мы проговорили до полудня. Видя, что его гости собираются расходиться, Токихиро объявил, что настал час обеда, и, не слушая наших возражений, подал к столу небольшие мисочки с кацудоном – мясным блюдом, состоящим из риса с овощами и хорошо прожаренной куриной котлетой.

Поблагодарив за вкусный обед и еще раз уточнив детали завтрашнего мероприятия, я распрощался и поспешил к себе домой. До встречи с Томскими я хотел успеть переговорить с Суаресами и подготовиться на завтра.

Вернувшись к себе, я сразу же набрал номер Карлоса. После долгих гудков передо мной появилось полное лицо заспанной Аниты. Пригладив волосы рукой, она удивленно уставилась на меня.

– Ола, Эйрик?! Что-то случилось? – спросила она тихим голосом.

– Ола, Анита! – ответил я, – Надеюсь, что я Вам не мешаю. Мне очень важно с Вами поговорить и попросить Вашего совета. А где Карлос?

– Карлос еще спит... – подавляя зевок, произнесла она.

– Ох, извините, совсем забыл о семичасовой разнице, – стушевался я. – Очень сожалею, что разбудил. Давайте я позвоню попозже...

– Если тебе нужен именно Карлос, то я попрошу его перезвонить, но меня ты уже разбудил, – улыбнулась она, давая понять, что готова меня выслушать.

– Вы же знаете, что я сейчас на экоострове восточноазиатского содружества?

Анита утвердительно кивнула головой.

– Так вот, Аошима подала официальную просьбу в свою префектуру пересмотреть решение ОРЗЕС о внедрении нандроида на их острове. На завтра назначена комиссия по их апелляции.

– Очередная стандартная отмазка, – Анита вновь пригладила волосы. – Видимо, представители МИНТЕР испытывают некоторое угрызение совести из-за того, что приняли это свое скандальное решение экспромтом, не поставив в известность представителей экоостровов.

Видя мое недоумение, она добавила:

– Эйрик, они проведут эту комиссию для справки. Они вовсе не собираются серьезно рассматривать просьбу аошимцев. Зато потом они оповестят весь мир о том, что представителям экоостровов дали возможность высказаться.

– Вполне возможно, – согласился я, нервно меряя шагами свою комнату. – Но дело в том, что аошимцы узнали, что я модерат и что я могу помочь им в этом деле. Короче говоря, я как раз вернулся со встречи с управлением острова, и завтра у нас будет возможность впервые официально встретиться с представителями ОРЗЕС и быть услышанными.

Анита на секунду призадумалась:

– Здесь ты прав. На какое время назначена встреча?

– Встреча состоится завтра в одиннадцать дня по японскому времени.

– То есть через двадцать два часа... – она что-то высчитывала в уме, – Эйрик, давай так, я поговорю с Карлосом, и мы перезвоним тебе. Встреча на самом деле может быть важной, и упускать такую возможность нельзя. Как я рада, – заключила она, – что ты оказался в нужное время в нужном месте.

Закончив разговор, я, не теряя времени, принялся за подготовку к предстоящей комиссии. Подсоединившись через свой планшет к своему личному виртуальному кабинету, я перешёл к архивам, хранящимся под названием «модерат», и выбрал из них все интересующие меня материалы. Получилось довольно приличное количество информации, которую мне необходимо было заново переслушать и пересмотреть, чтобы составить свое выступление на предстоящей комиссии. Из подобранного материала я отфильтровал только то, что относилось к последним шести месяцам, и принялся за работу.

Среди отобранных данных имелись голографические записи выступлений Карлоса и Аниты, а также записи других ведущих активистов нашего движения, включая и мое последнее выступление в Женеве на митинге. Кроме того, здесь были и голосовые записи многочисленных сторонников, поддерживающих наше движение. Их речи содержали в себе различные доводы в защиту наших принципов. Ко всему этому я дополнительно проштудировал анализы данных за последний год, показывающих устойчивую тенденцию падения культурных и социальных ценностей в обществе.

Пересмотрев всю выбранную мной информацию, я взялся за составление интерактивной презентации. Свое выступление я начал с возвания к комиссии прислушаться к голосу разума и отказаться от своего решения отменить закон, действовавший семь десятилетий. Затем я записал длинную речь с многочисленными доводами и доказательствами, почерпнутыми мной из пересмотренного материала. Дополнив сухой текст статистическими данными, представленными трехмерными графиками, показывающими тенденцию к коллапсу техноквилизации в недалёком будущем, я закончил свою презентацию словами старожилы острова, с которым я недавно познакомился: «Не дайте Кайхо быть последним Като на Аошиме!»

Увлечшись подготовкой к комиссии, я не заметил, как пролетели четыре часа. К сожалению, ни Анита, ни Карлос мне не перезвонили. Их советы и идеи могли бы придать мне больше уверенности на завтрашний день, но, в общем-то, я чувствовал себя готовым и полным сил перед предстоящим сражением.

Через час должны были прийти Томские, и, покончив с презентацией, я устремился на кухню, чтобы приготовить ужин. Продукты я предварительно заказал еще вчера у Токихиро, и они мирно ждали своего часа в холодильнике вместе со вчерашними суши от Кайоши.

Я только принялся за готовку ужина, как из планшета раздался тихий и приятный голос бетандроида: «Эйрик, для Вас входящее сообщение».

– Включи, – отдал я команду.

Над экраном планшета появилось изображение Аниты.

– Извини, что заставили тебя так долго ждать, – произнесла она, приглаживая свои волосы. – Надеюсь, ты не сидел сложа руки и уже подготовился к комиссии? – спросила она.

– Да, как только мы закончили наш разговор и до самого вашего звонка я только тем и занимался, что готовил презентацию.

– Замечательно! – улыбнулась она, явно довольная моим ответом. – Мы с Карлосом пытались пару раз связаться с тобой, но, видимо, ты ушел в работу, что называется, с головой, и не слышал наши звонки.

– Извините, я по привычке снизил звук планшета и не слышал ваших звонков, – объяснил я, исправляя свою оплошность и повышая громкость.

– Эйрик, ты, наверное, ждешь от нас какого-то особого совета? – спросила она, и я утвердительно кивнул в ответ.

– Не удивляйся! – продолжила она. – Мы посоветовались с Карлосом и решили, что полностью на тебя полагаемся. Мы считаем, что у тебя достаточно опыта, знаний и уверенности в себе, чтобы достойно представлять наши принципы и интересы перед самыми высокими и влиятельными людьми из ОРЗЕС. Поэтому наш единственный совет для тебя – оставайся самим собой и говори то, что советует тебе твое сердце и твой разум.

Анита с добротой посмотрела на меня и добавила:

– Будь краток и точен в формулировках. Я знаю, что ты и так немногословен, но на такого рода встречах тебя может прорвать. Поэтому, следи за собой. Это еще один мой совет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.